

Протоиерей Геннадий Фаст

Кто Она для нас?

Протоиерей
Геннадий Фаст

*Се, Дева во чреве приимет и родит Сына,
и нарекут имя Ему Еммануил, что значит:
с нами Бог (Мф 1:23, Ис 7:14)*

Вспомог
с Богом

©Прот. Геннадий Фаст, 2013

©Издательство «Никея», 2013

Дорогой читатель!

Участие Бога в нашей жизни и помощь Его святых, подобно семье Любящего Отца, где старшие Его дети – наши братья и сестры, ожидающие нас в Вечной Радости, помогают нам – младшим и неразумным, странствовать по временной земной жизни. Но Она, превосходящая не только всех людей, вошедших в райские обители, но и ангельские силы, несомненно, занимает особое место в Царствии Небесного Отца.

Мы называем Ее Богородицей, ведь Она смиренно вместила в Себя Невместимого Бога, став Его матерью. Совершенный Бог и совершенный Человек Иисус Христос, в Котором Божество и Человечество пребывают неслитно и нераздельно, воспринял человеческую природу именно от Нее.

Многих гениев искусства вдохновлял образ Ее чистоты и святости, со всех концов света к ней возносятся молитвы, а Она, покрывающая любовью всю землю, указывает всем на Источник Жизни, Света и Любви – Своего Сына, Спасителя и Бога Иисуса Христа.

Мы обращаемся к Ней «Заступница Усердная». И действительно, усердие Божьей Матери ощущал, наверное, каждый – это внезапно и естественно переживаемое в личной молитве свидетельство: твоя боль Ей не безразлична, Она слышит, Она поможет... Но нередко, получая просимое, мы быстро забывали и Ее, и Сам Источник всех благ – Бога. Стыдливо прячем от Него глаза, понимая, что жизнь свою изменить мы не в силах, а ведь Он ожидает от нас именно этого.

Желаем ли и мы проявить ответное усердие, стать ближе к Ней? Хотим ли мы узнать

больше о Ней? Надеемся, что эта замечательная книга писателя, богослова и проповедника протоиерея Геннадия Фаста, целиком посвященная Божьей Матери, сделает Ее прекрасный образ – любящий и смиренный, ближе и понятней для каждого из нас.

Уже вышла книга отца Геннадия Фаста об Иисусе Христе «Кто же Сей?». Новый цикл бесед посвящен Пресвятой Богородице. Действительно, Божия Матерь занимает в нашей духовной жизни очень важное место. Но что мы знаем о Ней? Ежедневно мы приносим Ей наши скорби и радости в молитвах. Но кто Она для нас? Каково православное учение о Деве Марии, утвержденное на Вселенских Соборах? И являемся ли мы православными в своем отношении к Ней? Откуда мы узнали о Рождестве Богородицы, Введении во Храм и Успении, если об этом нет упоминаний в Новом Завете? Эти и многие другие вопросы разбирает отец Геннадий. Его беседы отличаются поразительной увлекательностью и информативностью. Он зачастую предлагает подойти к тому или иному вопросу критично, рационально, словно предлагая посмотреть на наше Предание о Богородице глазами протестанта, а далее точно так же рационально убеждает в необходимости и истинности Предания. Но в то же время обращает наше внимание и на то, что не все, к чему мы привыкли, является Преданием и верой Церкви.

Эта книга не должна никого оставить равнодушным, тем более что Богородица для каждого из нас очень близка и дорога. Мы очень надеемся, что беседы отца Геннадия помогут Вам глубже осознать свою связь с Православием, с Богородицей и Воплотившимся из Ее девственной утробы нашим Господом и Спасителем Иисусом Христом.

Владимир Лучанинов,
главный редактор издательства «Никея»

Вступление

В этой книге представлен цикл бесед, посвященных некоторым темам учения о Богородице: пророчества и прообразования о Божией Матери, содержащиеся в текстах Ветхого Завета, учение о Деве Марии, заключенное в Евангелии, Церковном Предании, а также в апокрифах [1 - Апокрифы новозаветные (от греч. *apokryphos* – скрытый, сокровенный, тайный) – книги, не принятые Церковью, ложно или ошибочно приписываемые авторитету апостолов. Среди апокрифов следует различать книги с вымышленным авторством, но при этом отражающие исторические реалии жизни первых христиан, и апокрифы в полном смысле слова – «тайные» книги, составленные еретиками I в. – гностиками. (Здесь и далее примечания научного редактора.)]. Речь пойдет и об историческом аспекте учения о Богородице в христианской Церкви.

Оказывается, многое из того, что православным христианам кажется само собой разумеющимся, незыблемым и естественным, не всегда является очевидным. Мы узнаем, как исторически раскрывалось учение о Божией Матери.

Пророчества и прообразования о Богородице

Чем различаются пророчества и прообразы? Пророчества – это прямое указание Бога через пророка на грядущие события, а прообразы всегда осмысливаются постфактум – после того, как что-либо уже произошло. Многие вещи христиане воспринимают именно прообразовательно. Для христианского сознания это совершенно естественно и не нуждается в доказательствах, в то время как раввин назовет такие утверждения сплошными фантазиями и выдумками. Но дело в том, что само иудейское богословие несколько не меньше, а то и больше христианского занимается так называемыми «фантазиями и выдумками», т. е. в раввинизме тоже очень много прообразов, которые принимаются исключительно на веру. Сначала – вера, и лишь потом следует осмысление прообразов.

Иона, пребывавший три дня во чреве у кита, – прообраз трехдневного пребывания Христа в земле [2 - См.: Ин. 3: 2–11; Мф. 12: 38–42; Лк. 11: 29–32.]. Если сейчас сказать какому-нибудь иудею, что пребывавший в утробе кита Иона имеет какое-то отношение к будущему Мессии, он ответит, что это очевидная выдумка. А действительно, что мы можем ему возразить? Был исторический случай, был такой человек, с ним что-то происходило. Впоследствии эти прообразы укореняются, и для христиан пророк Иона – это уже классика.

Поговорим о пророчествах и прообразах Божией Матери, содержащихся в книгах Ветхого Завета. А существуют ли вообще пророчества о людях? Есть пророчества о Христе. Мессианские пророчества – это, собственно говоря, мир, путь, суть и стержень всего Ветхого Завета, причем не только в христианском, но и в иудейском сознании. Для иудеев Ветхий Завет – непосредственное руководство к действию, но гораздо в большей степени это пророчества о грядущем Мессии [3 - Мессия (евр. – Помазанник; греч. – Христос) – Освободитель, Помазанник Божий, с пришествием Которого установится Царство праведности и справедливости. Все ветхозаветное повествование наполнено темой ожидания Мессии-Спасителя.].

Есть пророчества, относящиеся к Богородице и Иоанну Предтече, свидетельствующие об исключительной роли этих людей в приходе Мессии, хотя в новозаветной истории они отступают в тень. Гораздо ярче выписаны апостолы. Если беспристрастно читать Новый Завет, то Дева Мария и Иоанн Креститель лишь появляются и уходят. В какой-то момент они исчезают, и больше речь о них уже не заходит, только в Деяниях апостольских они несколько раз вновь вскользь упоминаются.

Главная идея нам понятна – это Христос, Спаситель, Воплощенный Бог. Никто не может быть приравнен к Богу и Его Сыну. Почему же эти два человека составляют исключение и им были посвящены отдельные пророчества? Ведь не было пророчеств ни об Аврааме, ни о Моисее. Об исключительной роли Матери Господа поговорим впоследствии, а пока лишь отметим тот факт, что пророчества о Ней существуют.

Попробуем беспристрастно прикоснуться к тексту Священного Писания, иногда даже «забывая» о том, что мы – православные, чтобы осознать, что именно говорится в Священном Писании по этому поводу. Православные к этому нередко вообще не готовы. Стоит, например, спросить о том, что сказано в Библии о Божией Матери, и вы услышите в ответ, что и о Рождестве Богородицы там написано, и о Введении во Храм речь идет, и об Иоакиме и Анне; есть рассказ, посвященный Успению Богородицы. Для многих наших верующих оказывается совершенно шокирующим то обстоятельство, что ничего из этого в Библии нет. Это заложено в нашем сознании, в нашей вере, присутствует в нашей церковной практике, в наших богослужениях и праздниках. Но чтобы в беседе с

протестантом или иудеем беспристрастно доказать, что в Библии действительно содержатся пророчества о Божией Матери, придется немало потрудиться в поисках таких пророчеств. Изначально мы верим и лишь потом воспринимаем те или иные тексты с позиций нашей веры. Так поступают приверженцы всех конфессий. Людям только кажется, что они читают беспристрастно. На самом деле они не веру из Библии извлекают, а читают, уже имея веру (говорят даже, что это вера читает Библию). В этом нет никакого противоречия, так как вера появилась у людей раньше Библии. Верил Авраам, не имевший Библии. Христианскую веру исповедовали апостолы, не державшие в руках ни одной из книг Нового Завета – они к тому времени еще не были написаны.

Существуют два абсолютно достоверных пророчества о Божией Матери, хотя вообще-то пророчеств и прообразов в Ветхом Завете содержится гораздо больше. Именно эти пророчества всегда приводились в качестве аргументов в диспутах христиан с иудеями. Они обсуждаются и поныне, начиная с книги мученика Иустина Философа [4 - Св. Иустин Философ (ок. 100–165) – ранне христианский мученик, один из ярких апологетов и отцов Церкви II в.].

Первое пророчество было дано прародителям Адаму и Еве – это так называемое Первоевангелие. Оно возглашено не в разговоре Бога с Адамом и не в словах, которые Бог сказал Еве, а в речи, обращенной к змею [5 - Змеем именуется в Священном Писании дьявол, что указывает на его коварство и злобу (см.: 2 Кор. 11: 3; Откр. 12: 9, 14, 15).], т. е. к сатане. В этих словах и звучит первое Евангелие, потому что Евангелие – это Благая Весть, весть о том, что сила дьявола будет сокрушена. Хотя он одержал победу, смутил Адама и Еву, первых людей, и Бог изгнал их из Рая, но Бог тут же провозвещает, что царство сатаны будет сокрушено:

И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это, проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоём, и будешь есть прах во все дни жизни твоей; и вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пята (Быт. 3: 14–15).

Этим пророчеством возвещено поражение дьявола и то, что поразит его «семя жены». Русский перевод далек от совершенства и не передает всей тонкости еврейского оригинала. Под словом «семя» у нас, как правило, понимаются все последующие поколения, все потомки, семя как потомство, в то время как в еврейском языке речь идет именно о единственном, определенном Потомке (заора). В этом случае получается, что вражду Бог положит «между тобою и между женою, и между семенем твоим и между потомком ее». Если в виду имеется конкретный потомок, то дьявола поразит не потомство Адама и Евы вообще, не мы с вами это сделаем. Известно, что семя – это дело мужское, у женщины не бывает семени, женщина – земля, на которой семя произрастает. Здесь, казалось бы, заключается бессмыслица, если не подразумевать под женою мать Мессии, т. е. того Потомка, Который придет сокрушить главу змия.

Сами иудеи понимают эти слова мессиански. Мессианизм в иудейском богословии очень силен, поскольку у них было достаточно времени – полторы тысячи лет до Рождества Христа для того, чтобы мессиански понимать Ветхий Завет. Они и сегодня его понимают мессиански, только не признают Иисуса в качестве исполнителя пророчеств. Таким образом, в словах о жене содержится провозвестие о Матери Сокрушителя змия.

Уверовавшие христиане знают его как Иисуса Христа, Который пришел разрушить дела дьявола. Об этом говорят апостолы: Он пришел сокрушить дела сатаны и является потомком Жены [6 - См.: Гал. 4: 5; 1 Ин. 3: 7–9; Откр. 12–22.], Которая, как известно христианам, родила без мужа. Под этой Женой понимается Мария, понимается Матерь Божия.

В Библии вообще нет лишних и незначимых слов, тем более их не может быть в столь кратком и скупом пророчестве. Если бы это не было важно, об этом не было бы и сказано. Но за тысячи лет до создания Евангелий от Матфея, Марка, Луки и Иоанна о Жене уже говорится в Первоевангелии.

Христианское богословие проникнуто взаимосвязью Христа и Его Матери. Люди, более или менее знакомые с церковной службой, знают, что в любом богослужебном каноне каждая песнь заканчивается прославлением Троицы и Богородицы. Фактически параллель, впервые прозвучавшая в Первоевангелии, звучит у нас за каждым богослужением.

Семя Жены не отрывается от Жены. Это первое пророчество. Таким образом, дьявол изначально имел основания косо поглядывать на женщин, потому что так же, как беглому вору в каждом встречном мерещится сыщик, так и дьяволу в каждой женщине виделась Та Самая Жена, семя Которой сотрет его главу. И поэтому особое внимание дьявола приковано к жене, оттого-то к ней у него особое отношение. С нее он начал, к ней впервые приступил, чтобы соблазнить ее. Теперь же через Нее к нему пришло поражение. Вот в этом и состоит главное пророчество. Здесь не содержится никаких прообразов, в данном случае мы можем методом от противного это утверждать. Если кто-то не желает принять это в качестве пророчества, то пусть изложит альтернативное понимание. Но никакой альтернативы здесь нет и быть не может. Под Женою понимается именно Мария, Матерь Господа. И если понятно, что Мессия, с одной стороны, Сын Божий, то, с другой стороны, ведь не пустил же Бог с неба стрелу в дьявола, чтобы убить его, а воплотился, т. е. наше спасение должно было осуществиться человеческими руками. Именно женщина не должна была остаться в стороне, поэтому Мария действительно стала прямой соучастницей дела нашего спасения, хотя Спасителем является наш Господь.

Второе фундаментальное библейское пророчество приводится в книге пророка Исаии и цитируется в Евангелии от Матфея в Рождественской истории:

Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил (Ис. 7: 14).

Эти слова о рождении Еммануила от Девы Евангелие рассматривает как пророчество относительно рождения Христа от Марии, причем рождение безмужнее:

Се, Дева во чреве приимет и родит Сына (Мф. 1: 23).

В еврейском тексте на месте слова «Дева» находится слово «Алма». Греки переводили его как «девушка» или «девица». Древние иудеи так же понимали значение этого слова и только после исполнения пророчества, когда раввины отвергли Иисуса Назарянина как Христа, стали подвергать сомнению, что оно означает именно девственницу, а не просто молодую женщину. Но остается фактом, что в других библейских текстах, например Бытие 24: 43, Исход 2: 8, Псалтирь 67: 26, под словом «Алма» подразумевается

девственница, не знающая мужа. Для христиан это очень важно, но мы не касаемся самого учения о Божией Матери, а лишь стараемся проследить пророческую мысль, которая говорит о том, что Дева примет во чреве, что само по себе является нарушением законов природы, так как Дева принять во чреве не может. Далее Дева рождает Сына, и это уже второе нарушение привычного хода вещей, этого опять-таки быть не может. И нарекут Ему имя Еммануил, что означает «с нами Бог».

Конечно, мы, христиане, твердо стоим на этом пророчестве, радуемся, что оно есть, но зачастую не знаем контекста, в котором оно произошло, как будто нас он совершенно не интересует. На самом деле эта фраза сказана по вполне определенному поводу.

И продолжал Господь говорить к Ахазу, и сказал: проси себе знамения у Господа Бога твоего: проси или в глубине, или на высоте. И сказал Ахаз: не буду просить и не буду искушать Господа. Тогда сказал [Исаия]: слушайте же, дом Давидов! разве мало для вас затруднять людей, что вы хотите затруднять и Бога моего? Итак Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил. Он будет питаться молоком и медом, доколе не будет разуметь отвергать худое и избирать доброе; ибо прежде, нежели этот младенец будет разуметь отвергать худое и избирать доброе, земля та, которой ты страшишься, будет оставлена обоими царями ее (Ис. 7: 10–16).

Все это должно было произойти еще в VIII веке до нашей эры. В то время израильтяне и сирийцы объединились против иудеев. «Но наведет Господь на тебя и на народ твой и на дом отца твоего дни, какие не приходили со времени отпадения Ефрема от Иуды, наведет царя Ассирийского». Получается, что это пророчество касается совершенно конкретных исторических событий времен Исаии и Ахаза [7 - Ахаз – иудейский царь, наследовал престол на двадцатом году жизни. Предавался грубому идолопоклонству, в Иерусалимском Храме установил языческий жертвенник по образу виденного им в Дамаске. Умер после шестнадцати лет царствования (см.: 2 Пар. 28: 1–23; 29: 1).] и, похоже, никакого мессианского смысла в себе не заключает. Тогда возникает вопрос: если сказанное относится к историческим событиям того времени, то каким же образом оно сбылось? Случилось ли что-нибудь похожее во времена царя Ахаза? Тогда ничего подобного не произошло. Правда, Иудея действительно уцелела и не была уничтожена или разрушена.

Какой же смысл содержится в этом знамении? В то время оно не осуществилось. Тогда о чем идет речь? Там, где говорится о рождении Девой Сына, речь идет не о событиях, которые должны произойти непосредственно во время тех военных действий, а о событиях грядущих. Господь устами пророка Исаии утверждает, что Мессия придет от Иуды. Это – пророчество, обращенное к дому Давида: сейчас происходят эти страшные военные события, но не бойся, ты не погибнешь, а знамением тебе станет то, что Дева родит Сына, и произойдет это во времена грядущие, когда Господь изволит явить истину. Никакого другого объяснения быть не может, по крайней мере, ни христианская, ни иудейская мысль пока ничего другого не предложили. Причем это объяснение вполне разумно и по-человечески понятно. Ребенку, который больно ушибся, мы говорим: «Не плачь – до свадьбы заживет!» Свадьба у него может быть лет через пятнадцать или двадцать, но раз она все-таки будет, значит, и синяк перестает быть для мальчика по-настоящему серьезной проблемой. Оказывается, это отнюдь не конец света: стой твердо, и

все то, что тебе было обещано, непременно произойдет.

В этих пророчествах говорится не только о Самом Мессии, но и о Его Матери. В данном случае слово «Жена» употреблено в качестве обобщения, означающего женский род (Первоевангелие), в другой раз говорится о Деве, т. е. уже закладывается учение о тайне Приснодевства. Если об этом было возведено в пророчествах, а потом вновь сказано в Евангелии, то это свидетельствует о чрезвычайной важности поднятой темы. Казалось бы, почему? Ведь родился Мухаммед [8 - Мухаммед (571–632) – основатель и центральная фигура религии ислама.] от отца и матери, почему бы и Мессии не родиться таким же образом? Раз Бог освятил Деву, то неужели же Он не мог освятить и какого-нибудь мужчину? Значит, для Бога это было существенно.

Я обращаю внимание читателя лишь на некоторые пророчества, чтобы в дальнейшем ему было проще открывать другие тексты и действительно узнавать в них свидетельства о Божией Матери.

Вся первая часть 44-го псалма о Царе и Царице возвещает о Христе: Излилось из сердца моего слово благое; я говорю: песнь моя о Царе; язык мой – трость скорописца. Ты прекраснее сынов человеческих. Далее перед нами предстает чудный образ Грядущего Христа, Мессии, как прекраснейшего из сынов человеческих. Затем, начиная с 10-го стиха, речь идет не только о Царе, но и о Царице. Перечитаем эти строки:

Стала Царица одесную Тебя в Офирском золоте. Слыши, Дщерь, и смотри, и приклони ухо Твое, и забудь народ Твой и дом отца Твоего... ибо Он Господь Твой, и Ты поклонись Ему. И дочь Тира с дарами, и богатейшие из народа будут умолять лице Твое. Вся слава дщери Царя внутри; одежда Ее шита золотом; в испещренной одежде ведется Она к Царю; за Нею ведутся к Тебе девы, подруги Ее, приводятся с весельем и ликованьем, входят в чертог Царя. Вместо отцов Твоих, будут сыновья Твои; Ты поставишь их князьями по всей земле. Сделаю имя Твое памятным в род и род; посеми народы будут славить Тебя во веки и веки (Пс. 44: 10–18).

Эти слова о Царице многими святыми отцами истолковываются как пророчество о Церкви. То есть Христос – Царь, а Церковь – Царица, и это толкование принимается Православной Церковью в качестве основного. Но у тех же святых отцов встречается и другое, Богородичное толкование. Дело в том, что одно и то же пророчество, одна и та же притча могут толковаться по-разному, причем в некоторых аспектах Богородичные толкования даже в большей степени соответствуют тексту этого псалма. Стала Царица одесную Тебя... И в иконографии Богородица изображается стоящей по правую сторону от Христа.

Мы помним, как мать Иоанна и Иакова хотела, чтобы и тот и другой сели по правую сторону от Спасителя [9 - См.: Мк. 10: 35–45.]. Вообще, ученики не раз затевали спор о том, кто будет сидеть рядом со Христом по правую и по левую руку. А оказалось, что никто в присутствии Христа не сидел, не сидит и сидеть не будет. По правую сторону возле Сына на иконах стала Богородица, а по левую стоит Иоанн Креститель – люди, вроде бы пребывавшие в евангельской тени. Именно они обретут то, о чем так ревностно заботились апостолы и даже их матери.

Слыши, Дщерь... Здесь она именуется дочерью. Уже прозвучали имена «Жена» и «Дева», а теперь звучит: «Дочь». «Слыши, Дщерь, и смотри, и приклони ухо Твое, и забудь народ Твой и дом отца Твоего». Но трудно истолковать фразу «забудь дом отца

Твоего» применительно к Церкви. Если Царица – это Церковь, то где находится дом Ее отца и почему Она должна его забыть? Невозможно призывать Церковь к тому, чтобы она забыла Отца Небесного и Его дом! Поэтому мы видим, что первичным является толкование Богородичное; именно Ей предстоит забыть дом отца Своего. Всего лишь три года прожила Она в отеческом доме, прежде чем Ее навсегда отвели в храм. Больше в доме Своего отца Она никогда не бывала.

Забудь народ Твой и дом отца Твоего. И возжелает Царь красоты Твоей... Для нашего слуха это звучит неожиданно: Царь возжелал красоты Ее! Но дело в том, что созданный Творцом мир был прекрасен, а потом обезобразился, когда змий прыснул в него своим ядом. И Бог с горечью смотрит на землю, потому что весь мир лежит во зле. И возжелает Царь красоты Твоей, потому что наконец увидит первозданную красоту, не тронутую грехом. И возжелает Царь красоты Твоей, ибо Он Господь Твой, и Ты поклонись Ему.

Прообразов Богородицы очень много. Мы постараемся рассмотреть наиболее известные, фундаментальные, другие – лишь упомянуть.

Все, что касается прообразов, – это дело веры. Их существование невозможно доказать логически. Как известно, в математике действуют доказательства. Почти все задачи заканчиваются аббревиатурой «ч. т. д.» – «что и требовалось доказать». Все математики, живущие на земном шаре, а их сотни тысяч, могут однозначно оценить то или иное решение задачи. Но можем ли мы использовать доказательства в искусстве? Представим, что художник написал картину и приписал: «ч. т. д.». Ни в изобразительном искусстве, ни в поэзии никаких доказательств не существует – это попросту невысказано. Один из нас находит произведение прекрасным, другой утверждает, что оно никуда не годно. Так же дело обстоит и в отношении прообразов. Они абсолютно недоказуемы. Здесь мы вторгаемся в область интуиции, и кто не хочет этого принимать, не принимает. Ведь невозможно доказать, что картина хороша тому, кому она не нравится. Можно только указать на ее несомненные достоинства. Так же дело обстоит и с прообразами. На них тоже можно лишь указать, и верующему сердцу они откроются, но если сердце не верит, то доказать ничего не возможно. Это область таинственного, область мистически-аллегорического толкования Священного Писания. Ориген [10 - Ориген (ок. 185–253/254) – христианский богослов, философ, филолог. Жил в Александрии. Оказал существенное влияние на формирование христианской догматики и мистики.] говорил, что Писанию соответствуют три уровня понимания. Первый – это прямое восприятие текста. Второй – толкование нравственное, из которого мы извлекаем какой-либо урок. А третий уровень – таинственно-аллегорический, когда в каких-то видимых образах мы усматриваем невидимые прообразы.

Например, Иосиф Прекрасный является прообразом Христа. Догадывался ли об этом сам Иосиф? Родные братья продают его в Египет [11 - См.: Быт. 37: 1–36.]; может ли он думать о том, что это событие что-то прообразует? Это ведь реальная житейская ситуация, и ему очень обидно. А мы теперь воспринимаем это прообразом того, как Христа предал Иуда. Иными словами, мы видим в событиях, происшедших с Иосифом, прообраз событий, происшедших с Христом. Тут нет доказательств, а есть внутренняя интуиция; здесь Дух Божий говорит духу человеческому, и человек либо откликается на это, чувствует и видит, либо нет.

Святые отцы усматривали немало прообразов Христа и Божией Матери. Возьмем для

примера текст из книги Бытие, повествующий о сотворении человека:

Вот происхождение неба и земли, при сотворении их, в то время, когда Господь Бог создал землю и небо, и всякий полевой кустарник, которого еще не было на земле, и всякую полевую траву, которая еще не росла, ибо Господь Бог не посылал дождя на землю, и не было человека для возделывания земли, но пар поднимался с земли и орошал все лице земли. И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою (Быт. 2: 4–7).

Девственная земля даже не поливается дождем, от нее исходит пар. От этой земли, увлажненной паром, берется тот прах, из которого Господь творит Адама. Святые отцы усматривали в этой девственной земле прообраз Девы Марии. Под паром же, орошавшим ее, понимался Святой Дух:

Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя (Лк. 1: 35).

Это Святой Дух, Который орошает, освящает и увлажняет девическую утробу, от которой берется тело Нового Адама, потому что Христос, особенно в богословии апостола Павла, неоднократно называется «вторым Адамом» или «последним Адамом».

Первый человек Адам стал душою живущею; а последний Адам есть дух животворящий. Но не духовное прежде, а душевное, потом духовное. Первый человек – из земли, перстный; второй человек – Господь с неба (1 Кор. 15: 45–47).

Итак, от «земли» берется прах, орошенный Духом, и является Истинный Адам, т. е. Господь.

Второе толкование связано с Евой. Она приходится матерью всем живущим. Мария же родила Того, Кто Сам о Себе скажет: Я есмь путь и истина и жизнь (Ин. 14: 6). В другой раз Господь говорит: Я есмь воскресение и жизнь (Ин. 11: 25). Как Ева – мать всех живущих на земле, так Мария приходится Матерью всем живущим в духовном смысле, как родившая Истинную Жизнь для этой земли.

Святые отцы были воспитаны на языке логики и эллинской риторики и искусно использовали параллели и сопоставления, что делает и апостол Павел. Нам порой не очевидно, почему из одного непременно следует другое. Мы не понимаем этого, потому что воспитаны уже в иной культуре. Апостол Павел пользуется теми логическими построениями, которые нам недоступны. Святые отцы размышляют так: Ева взята из Адама, а из Марии взят Второй Адам. Эта аналогия просматривается у них очень часто. Даже более того: как Ева взята из Адама и не имеет матери, так Христос взят из Марии, и у Него нет земного отца. То есть зачатие происходит не по закону естества, когда становятся «два одною плотью» (Мк. 10: 8) и у них рождается дитя. В обоих случаях этот естественный закон не соблюден, он превзойден благодатью и всемогуществом Божиим.

Нередко приводится и такая аналогия: через Еву в мир вошла смерть, а через Деву в мир вошла жизнь, смерть же вышла из мира. То есть Ева открыла смерти дверь, а через Деву эта дверь закрылась, потому что Она родила Того, Кто даровал нам жизнь, «смертию смерть поправ» [12 - Тропарь Святой Пасхи].

Часто встречающимся библейским прообразом Божией Матери является и Лестница

Иакова [13 - Быт. 28: 10–22.]. Иаков прогневал родного брата, похитив не только первородство, но и благословение отца. В результате он был вынужден бежать. В первую же ночь вне родительского дома Иаков засыпает, подложив под голову камень. Во сне он видит лестницу, а на самом верху ее – Бога и Ангелов Божиих, восходящих и нисходящих по ней. Паремия [14 - Паремия (греч. – притча) – в праздничном богослужении тематическое чтение из Ветхого Завета, например, в день Святой Троицы читаются пророчества и прообразы о сошествии Святого Духа на апостолов и т. д. В период Великого поста паремии представляют корпус книг Ветхого Завета, разделенный на последовательные отрывки, которые читаются на службах вечерни и шестого часа ежедневно.] об этом откровении читается на Богородичных праздниках. Уже в первые века христианства появляется толкование святых отцов и учителей Церкви, что эта лестница, соединяющая землю и небо, – Божия Мать, потому что через Нее Бог сошел на землю.

Другой часто встречающийся прообраз – неопалимая купина. В третьей главе книги Исход написано: Моисей на горе Синай видит куст, который горит, но не сгорает. Он подходит к кусту, и из этого куста с ним говорит Бог. Горящий и несгорающий куст всегда привлекал христианских богословов. Уже Иустин Философ в начале II века обращается к этому образу и находит ему истолкование. Огонь – это Божественная природа, а куст – природа тварная, человеческая. Получается соединение несоединимого – Божества и человечества во Христе.

Есть и другое толкование, также получившее широкое распространение в святоотеческих творениях, а также в богослужении и гимнографии. Куст горит, но не сгорает, Дева рождает и при этом остается Девой. Огонь – конечно же, Божество, Сын Божий. Это понимание выражено в иконографии: в образе «Неопалимая Купина» Деву Марию окружает пламя.

Некоторые Святые Отцы даже в Черном море, сомкнувшемся после того, как Моисей провел через него израильский народ [15 - Исх. 14:1-31.], тоже находят прообраз Божией Матери, через Которую прошел Господь, но Ее девство сохранилось.

Один из особенно значимых прообразов – Ковчег Завета [16 - Исх. 24–25.]. Это величайшая святыня, так как в нем находились Скрижали Завета. А что представляли собой Скрижали Завета? Это камень, на котором было начертано Слово Божие. Скрижали Завета – образ Христа. Как на камне Слово стало видимым, когда Бог написал заповеди, так и Христос – это Воплощенное Слово. И как в Ветхом Завете не было ничего выше Скрижалей Завета, так в Новом Завете нет ничего выше Христа. Но Скрижали находились в Ковчеге. Их никто никогда не видел со времен Моисея. Это была некая непостижимая тайна, к которой невозможно прикоснуться. А вот Ковчег, как хранилище воплощенного Слова Божия, мог видеть первосвященник, и не только он один. Его переносили, он попадал в плен к филистимлянам, пока не прибыл при царе Давиде в Иерусалим [17 - 2 Цар. 6: 12–23.]. Ковчег всегда осмыслялся отцами Церкви как прообраз Божией Матери: в ней воплотилось Божественное Слово, она являлась Его носительницей.

Давид играл перед Скрижалями, на которых написаны десять заповедей, потому что Ковчег – это, по сути, всего лишь коробка. Нечто подобное происходит и в христианстве. Наш Спаситель – Христос. Боговоплощение приходит через Марию, и Церковь «играет» перед лицом Божией Матери.

Вспомним, что произошло при встрече Елисаветы и Марии: «Взыграл младенец во чреве ее». До чего надо быть бесчувственным, чтобы не взыграть, если даже Иоанн Креститель

в утробе матери взыграл, и мать это ощутила! И Елисавета тут же произносит: «И откуда это мне, что пришла Матерь Господа моего ко мне?» (Лк. 1: 41–43).

Так же каждое христианское сердце чувствует приближение Божией Матери и играет, подобно тому как некогда Давид играл перед Ковчегом. Жена осудила его за это, посчитав поведение мужа не соответствующим этикету, но Господь рассудил иначе. Он показал, что Мелхола, жена царя, была неправа. Она была черства, она не чувствовала того, что чувствовал Давид. А тот попросту забыл, что был царем, его сердце играло так же, как впоследствии – сердце Иоанна Крестителя. Так же и христианское сердце играет вокруг Божией Матери – вокруг Ковчега, в котором воплотился Бог.

Во второй Маккавейской книге написано, что, когда Навуходоносор уже приближался к Иерусалиму, пророк Иеремия взял Ковчег Завета и спрятал его на горе Нево, там, где погребен Моисей [18 - 2 Мак. 2: 1–8.]. Позже Ковчег искали, но так и не нашли. Пророк Иеремия не одобрил этих искателей и сказал, что Ковчег Завета не будет явлен до тех пор, пока не явится Мессия. Мессия – Христос, но каким же образом были явлены Скрижали? Церковь воспеваает «Кивот Одушевленный», «Кивот Нерукотворенный», т. е. речь вновь идет о Деве Марии. И пророчество Иеремии сбылось через Деву Марию, когда вместе с Воплощенным Словом явился и Ковчег. Если же размышлять об Иерусалимском Храме [19 - Иерусалимский Храм, построенный в царствование Соломона, являлся центральным местом религиозной жизни иудеев, только там могли совершаться необходимые жертвоприношения. Храм неоднократно разорялся, в последний раз был разрушен римлянами в 70 г. по Р. Х., после чего уже не восстанавливался. Господь Иисус Христос предсказал окончательное разрушение Храма (См.: Мф. 24: 1–2; Мк. 13: 1–2; Лк. 21: 5–7). После страданий и Воскресения Спасителя все жертвоприношения, которые являлись прообразами Великой Жертвы Христа за род человеческий, потеряли смысл. В религиозной жизни иудеев мечта о восстановлении Храма и жертвоприношений занимает главное место, великой святыней для иудеев служит остаток храмового комплекса – Стена Плача.] (это уже мои размышления, у святых отцов я этого не встречал), то, когда будет открыт Храм, может быть, обнаружится и Ковчег. Если же говорить об Антихристе, то вполне возможно, что это будет лжековчег, потому что тогда все будет ложным. В те времена вспомнят о пророчестве Иеремии, записанном в Маккавейской книге.

Упомянем и о руне Гедеоном [20 - Суд. 6: 36–40.]. Гедеон, судья израильский, ожидая знамения от Бога в критический для своего народа момент, взял шерсть и бросил ее на траву, прося, чтобы та стала мокрой, а вокруг все оставалось бы сухим. Так и случилось. Во второй раз он попросил о том, чтобы шерсть была сухой, а трава, напротив, покрылась бы росой. И это тоже произошло. То есть Господь оба раза услышал Гедеона. Святые отцы также осмыслили это событие прообразовательно. Дева, оставаясь Девой в Рождестве Господа, обильно увлажнила народ росой истинной веры. Это – образ приснодевства.

Еще один прообраз содержится в книге пророка Даниила. Мы помним огромного истукана с золотой головой, серебряными плечами, медным животом и частично железными, частично глиняными ногами [21 - Дан. 2: 1–49.]. Это – прообраз земных царств: царства Вавилонского, царства Мидо-Персидского, царства Александра Македонского и Римской империи. Потом сам по себе, без помощи руки человеческой, от горы отделяется камень и летит в статую, та разрушается, падает, а камень разрастается в огромную гору. Христиане это всегда осмыслили мессиански, да и сам Даниил подводит нас к этому. То есть все эти царства, в конечном счете, разрушатся, камень – есть Христос,

а гора, возникшая на месте земных царств, – это Царство Небесное, которое занимает всю вселенную. Так толкуют это пророчество абсолютно все христиане, так что на сегодняшний день это – общехристианское верование.

Итак, камень отделяется от горы без содействия руки человеческой. Что это может означать? Бессеменное зачатие. Господь рождается безмужно, без соучастия человека, поэтому гора, от которой отделился камень без помощи человеческих рук, и есть образ Божией Матери. Это понимание отражено в песнопениях и молитвах Церкви.

Приведенными примерами мы ограничимся, хотя существует много других пророчеств и прообразов. Но и из того, что мы рассмотрели, видно, что Ветхий Завет в мессианских пророчествах возвещал о Деве Марии. Весь Ветхий Завет напитан образами, как бы дышит Христом и Его Пречистой Матерью.

Богородица и Ее имя в Евангелии и Предании

Поговорим о Деве Марии в Евангелии и Предании и рассмотрим догматическое учение о Богородице в его историческом развитии, т. е. постараемся разобраться, каким это учение было в i, ii, iii, iv веках и далее и как постепенно происходило раскрытие мариологического [22 - Мариология – учение Церкви о Богородице.] догмата в Церкви. Также мы поговорим и о возникавших богородичных ересьях, об иконографии Богородицы и о присутствии Божией Матери и Ее действии в церковной истории.

Большинство православных христиан располагают определенными знаниями о Божией Матери. Но если спросить о вещах более глубинных, вразумительного ответа зачастую не последует. Например, мы славим «Честнейшую *censored*увим и Славнейшую без сравнения Серафим...» а откуда нам известно, что Божия Матерь – Честнейшая *censored*увим? Из каких источников почерпнуто это знание? На чем оно основано? Есть ли в Библии соответствующие тексты? Нет. Иными словами, то, что нам, православным, привычно в почитании Богородицы (или, как обычно говорят на Западе, мариологии), для других остается неочевидным по многим позициям, в том числе историческим.

Дева Мария в Евангелии

Многие в простоте душевной полагают: все, что мы знаем о Божией Матери, описано в Евангелиях. Однако на самом деле в Евангелиях о Ней говорится не так уж и много.

Для начала перечислим евангельские тексты, повествующие о Деве Марии: Лк. 1: 18–25 – Рождество; 2: 1–23 – поклонение волхвов и бегство в Египет; 1: 26–38 – Благовещение; 1: 39–56 – Мария в доме Елисаветы; с 46-го по 55-й стих – «Величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Бозе, Спасе Моем» – так называемый магнификат [23 - От лат. *magnifico* – «возвеличивать», «прославлять».], который читается на сорока с лишним языках мира. Стихи 1–20 второй главы посвящены Рождеству Иисуса Христа; 22–35 – Сретению; 39–40 – возвращению в Назарет; 2: 41–52 – Марии и Отроку Иисусу.

Далее: Ин. 2: 1–13 – брак в Кане Галилейской; Мф. 12: 46–50 – Матерь и братья Иисуса (об этом же говорится и у Марка, и у Луки). Помните, когда Матерь Иисуса с братьями приходит ко Христу, Он говорит: «Кто Мне отец, и мать, и братья?» Затем Лк. 23: 27–31 – плач дочерей Иерусалимских, когда Иисуса ведут на Крест. Следует заметить, что

Мария здесь не упоминается, но, согласно церковной традиции, Она все же присутствовала при этом. В Иерусалиме паломникам указывается одна из четырнадцати остановок на крестном пути Спасителя, где Он встретился с Матерью.

Далее, Ин. 19: 25–27 – Мария у Креста. Иисус говорит Иоанну Богослову и Своей Матери: Жено, се, сын Твой <...>, ученику: се, Мати твоя. Женщины наблюдают за погребением Спасителя, совершаемым Иосифом Аримафейским и Никодимом [24 - Ин. 19: 38–42.]. Опять же по церковной традиции, Мария присутствует при погребении, есть даже такое произведение – «Плач Марии», посвященное тому, как Иисуса снимают с Креста и Она держит Его на коленях. В Великую пятницу в церкви читают канон Симеона Логофета «Не рыдай Мене, Мати», но в Евангелии ничего об этом не говорится, приводятся лишь слова Иисуса, обращенные к Матери и Иоанну Богослову.

Затем евангелисты Матфей, Марк, Лука и Иоанн повествуют о женах-мироносицах: Марии Магдалине, Марии Клеоповой и другой Марии. Обычно под «другой Марией» толкователи понимают Богородицу, но единства мнений нет. Судя по всему, Мать Иисуса там была, хотя непосредственно из евангельского текста это не следует.

Наконец, последний текст, на этот раз уже не евангельский: Деян. 1: 14 – Вознесение Иисуса Христа. При Вознесении присутствовали женщины, среди которых прямо упоминается Мария, Матерь Господа. В нашей иконографии Вознесения Она всегда помещается в центре изображения, а апостолы – рядом с Ней.

Вот и все священные тексты, относящиеся к Деве Марии. Иных упоминаний о Богородице в Новом Завете нет.

Имя Девы Марии

Теперь поговорим об имени и наименовании Девы Марии. Сразу же отметим: имя – одно, а наименований – несколько. Не всякий русский человек знает, что столь традиционные для нас имена Иван и Марья на самом деле имена еврейские. По-еврейски имя Мария звучит как «Мирьям» и именно в таком виде используется в некоторых славянских текстах, а также в арабском и татарском языках. Однако мы знаем, что евреи во времена Иисуса Христа по-еврейски почти не разговаривали, а использовали арамейское наречие – разновидность языка сирийского.

Из арамейского наречия это имя было транслитерировано на греческий язык как «Мариам», что уже на слуху у всех, бывающих на вечерних службах («Изыде Мариам в Горнее со тцанием...»). Именно в таком виде оно использовано евангелистом Лукой, так переведено в Евангелии от Матфея. Но что значит переведено? Ведь Матфей писал по-еврейски и, следовательно, использовал традиционную форму «Мирьям». Но до нас еврейский оригинал Евангелия от Матфея не дошел, в отличие от греческого перевода.

Сейчас в святцах отдельно упоминаются Мария и Мариам. Гебраисты – специалисты, изучающие еврейский язык, – переводят имя Мирьям как «возвышенная» или «госпожа», а вот арамейское Мариам – как «восстание», понимаемое не в смысле бунта, а как производное от слова «встать», т. е. подняться. Иногда оно даже переводится как «звезда моря», потому что «ам» по-арамейски означает «море». Наиболее же привычное для нашего слуха имя Мария традиционно переводится как «госпожа».

Наименования Девы Марии

Мы именуем Деву Марию Богородицей, Владычицей, Божией Матерью, Царицей Небесной и Приснодевой, но в Евангелиях таких наименований встретить не удастся. Таким образом, определенная логика в протестантской критике есть. Ведь протестанты в качестве источника вероучения используют исключительно Библию, которая действительно именуется Деву Марию «Матерью Иисуса», иногда – «Матерью Его». Уже в V веке произошел довольно ожесточенный богословский спор, во время которого патриарх Несторий [25 - Несторий – с 428 по 431 г. Патриарх Константинопольский, низложен III Вселенским Собором в 431 г. как еретик. Несторий отрицал нераздельное единение во Христе Божественной и человеческой природы. Умер в 451 г.] возражал против наименования Марии Богородицей. Даже в наши времена можно встретить верующих, утверждающих, что у Бога нет и не может быть Матери, потому что Божество по Своему определению вечно, безначально и не может быть рождено никем, никак и никогда. Мы еще вернемся к этой теме, когда будем говорить о догматическом развитии учения о Божией Матери.

«Мать Иисуса» – звучит просто и очевидно. Другое евангельское наименование – «Мать Господа». Так называет Ее Елисавета: «И откуда это мне, что пришла Мать Господа моего ко мне?» (Лк. 1: 43). В этом случае значимость обращения очевидно возрастает.

Далее – «Раба Господня». Так называет Себя Она Сама, когда отвечает Архангелу Гавриилу: «Се, Раба Господня, да будет Мне по слову твоему» (Лк. 1: 38). Она ощущает Себя Рабой Господней. Нам сложно разделить с Ней это ощущение, для нас Она всегда – Честнейшая *censored*увим. Но абсолютно никто не может быть унижен тем, что именуется рабом или рабой Господней. Об этом необходимо помнить.

В истории Благовещения Она именуется Девой (Лк. 1: 27). Дева в евангельском смысле – это не просто девственница, а нечто гораздо большее. И когда Мария именуется Девой, то этому придается богословский, а не узкоанатомический смысл. Это важно вспомнить, когда речь пойдет об утверждающих о том, что позже Она рожала детей и что братья Иисуса были Ее сыновьями.

Она – Благодатная: Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою (Лк. 1: 28). Западная Церковь на этих словах основывает свое богословие, хотя и на Востоке этому наименованию также придается большое значение.

И наконец, «Жена», или, если употреблять это слово в звательном падеже, который сохранен в русском синодальном переводе, «Жено». Придерживаясь традиций нашей Церкви, сложившихся на протяжении последних веков, все наименования Марии я пишу с прописной буквы. Кстати, такая традиция существовала на Руси не всегда. В старых славянских книгах даже слово «Господь» пишется с буквы строчной.

Словом «Жена» Она именуется, когда стоит у Креста (Ин. 19: 25–27); в Кане Галилейской (Ин. 2: 4), а также у апостола Павла в Послании к Галатам (4: 4), где говорится, что «когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего (Единородного), Который родился от Жены». Наконец, так Она именуется в Апокалипсисе (Откр. 12: 1–17). Это – апокалипсическая Жена, Которую истолковывают либо как Церковь, либо как Богородицу. Вообще очень многие священные тексты имеют либо экклезиологическое [26 - Экклезиология – учение о природе Церкви.] (как в случае с Церковью), либо Богородичное (или мариологическое) толкование: Жена, вокруг главы – солнце, под

ногами – луна, на главе Ее – венец из двенадцати звезд.

Все эти наименования содержатся в Священном Писании.

Богородица в Предании

Что нам известно о жизни Девы Марии из Святого Предания? До нашего времени дошло два основных источника, относящихся к I веку. Первый получил название Первоевангелие Иакова [27 - Первоевангелие Иакова – апокрифический текст середины II в., авторство приписывается апостолу Иакову в самом тексте: «я, Иаков, который написал этот рассказ в Иерусалиме» (25: 3). Книга не была принята Церковью, но некоторые события, касающиеся жизни Пресвятой Богородицы, описанные в этой книге, восприняты автором из тогда еще совсем молодого Церковного Предания. Книга имела большую популярность в древние времена и была переведена на множество языков.] (имеется в виду брат Господень), второй называется «Книгой о Рождестве Блаженнейшей Марии и детстве Спасителя». Считается, что эта книга написана евангелистом Матфеем по-еврейски и переведена в IV веке на латинский язык великим отцом Церкви блаженным Иеронимом Стридонским. и тот и другой источник относятся к апокрифам. Апокрифы – это тайные писания, насчитывается их немало. Иные апокрифы очень близки к Евангелию, другие – бесконечно далеки от него и представляют собой явные измышления тогдашних еретиков. Жизнеописание Богородицы, то, что составляет содержание наших православных Богородичных праздников, в основном изложено в двух упомянутых источниках. Что же в них содержится? Во-первых, повествование о Рождестве Девы Марии. Кстати, то, что такой великий отец Церкви, как блаженный Иероним, сам перевел один из источников, свидетельствует о доверии к этому тексту со стороны Церкви IV века, а ведь это Церковь Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста и отчасти даже Блаженного Августина. Далее повествуется о Введении Богородицы во Храм. В Первовеангелии Иакова это содержится в 7-й и 8-й, а в «Книге о Рождестве...» – в 4-й и 6-й главах. Я приведу некоторые отрывки:

«И вот, наступил великий праздник Господень, и сыны Израилевы принесли дары свои, и восстал Рувим (иерусалимский священник. – Прим. авт.) против Иоакима, говоря: „Не надлежит тебе предлагать дар твой, ибо нет у тебя потомства в Израиле“. И был охвачен Иоаким великим огорчением. И приблизился он к родовым спискам двенадцати колен, говоря в себе: „Поищу в двенадцати коленах Израиля, не я ли один не дал потомства Израилю“. И, исследуя, он увидел, что все праведные оставили потомство. Ибо вспомнил он о патриархе Аврааме, которому в последние дни его лет дал Господь сына Исаака. И не хотел Иоаким показаться в огорчении перед женой своей; и удалился в пустыню, и поставил там палатку свою, и постился сорок дней и сорок ночей, говоря в сердце своем: „Я не приму ни пищи, ни питья, но молитва моя будет мне пищею“».

Теперь мы видим, из какого источника святитель Димитрий Ростовский [28 - Свт. Димитрий Ростовский (1651–1709) – составитель русского собрания житий святых.] заимствует эти предания:

«Жена его Анна терзалась двойной печалью, двойным мучением, говоря: „Я оплакиваю и вдовство, и бесплодие мое“. И, посмотрев на небо, увидела она на лавровом дереве гнездо воробьиное и воскликнула с горестью: „Увы, чему могу уподобить себя? Кто дал мне жизнь, что так проклята я пред сынами Израильскими? Они смеются надо мною,

оскорбляют меня, изгнали меня из Храма Господня. Увы, чему уподоблю себя? Я не могу сравниться с птицами небесными, ибо птицы плодовиты пред Тобою, Господи. Не могу сравниться с тварями земными, ибо они плодовиты. Я не могу сравниться ни с морем, ибо оно полно рыбами, ни с землею, ибо она дает плоды во времена свои и благословляет Господа“. Вот, Ангел Господень слетел, говоря: „Анна, услышана твоя молитва...“» Далее речь идет об Иоакиме, потом – о том, как они встречаются: «Вот, два ангела явились ей, говоря: „Иоаким, муж твой, идет со стадами своими“. И Ангел Господень спустился к нему, говоря: „Иоаким, Иоаким, Бог услышал молитву твою, жена твоя Анна зачнет“».

Иоаким пребывал в пустыне, в той самой пещере, где прятался Илия Пророк, а Анна оставалась дома, в Назарете. Оба они были уже в преклонном возрасте, им было около семидесяти лет.

«И вот, пришел Иоаким со стадами своими, и Анна была у дверей дома своего. Увидев Иоакима, шедшего со стадами своими, она побежала и пала на шею ему. (Кстати, существует такая икона, очень умильная, на которой изображена встреча Иоакима и Анны. – Прим. авт.) „Теперь знаю, что Господь Бог благословил меня, ибо я была вдовою, и вот нет этого более, я была неплодной, и я зачала“. И покоился Иоаким в тот самый день в доме своем». На другой день он вновь пришел в Храм и представил дары свои: «И вышел он оправданный из Дома Господня и пришел в дом свой. Анна зачала, и на девятый месяц она родила, и спросила ходившую за ней женщину: „Кого я родила?“ И та ответила: „Дочь“. И сказала Анна: „Возвеселилась душа моя в день сей“. И Анна кормила Дитя свое, и дала Ей имя Мария. И укреплялся Младенец с каждым днем».

Как видим, зачатие произошло естественным образом. Теперь перейдем к Введению во Храм. В связи с этим следует отметить один немаловажный момент: «Когда исполнилось Марии два года, Иоаким сказал Анне, жене своей: „Отведем Ее в Храм Господень, дабы исполнить обет, данный нами“», – ведь они оба дали обет посвятить Дочь Богу, и уже в два года Иоаким хочет привести Ее в Храм. «Убоимся, да не разгневется на нас Господь, и не отыметя у нас это Дитя». Логика очевидна: если Бог дал, Бог может и забрать, поэтому, если обет принесен, его следует исполнить. «И сказала Анна: „подождем до третьего года, ибо я боюсь, что будет звать отца и мать Свою“. И сказал Иоаким: „Подождем“».

Как правило, в житиях этот эпизод опускается. Я цитирую Первоевангелие Иакова, а в «Книге о Рождестве...» упоминается о том, как семимесячную Марию ставят на ноги. К этой теме обращается и византийская иконография:

«Когда Дитя достигло трехлетнего возраста, сказал Иоаким: „Позовите непорочных дев еврейских, и пусть возьмут светильники и зажгут их. И пусть не обращается назад Дитя, и дух Ее не отдалится от Дома Божьего“. И девы сделали так и вошли во Храм. И первосвященник принял Дитя, поцеловал Его и сказал: „Мария, Господь дал величие Имени Твоему во все роды, и в конце дней Господь проявит в Тебе цену искупления сынов Израилевых“. И он поставил Ее на третью ступень жертвенника, и Господь Бог излил милость Свою на Нее, и Она дрожала от радости и плясала на ногах Своих, и полюбил Ее весь дом Израилев. И пошли родители Ее, дивясь и славя Бога, что Дитя не обернулось к ним».

«Мария воспитывалась, как голубица, в Храме Господа, и получала Она пищу из рук Ангелов». Вот что повествуется в «Книге о Рождестве...»:

«Иоаким и Анна пошли вместе в Храм Господа и, принеся дары, вручили Дочь свою Марию, дабы Она была принята к девочкам, которые день и ночь пребывали в хвале

Господу».

Иосиф Флавий [29 - Иосиф Флавий (37–100 г.) – знаменитый еврейский писатель и историк. После разрушения Иерусалима в 70 году жил в Риме, при императорском дворце. Оставил подробные описания религиозной и общественной жизни еврейского народа в труде «Иудейские древности», в работе «Иудейская война» описал события антиримского восстания и разрушения Иерусалима. В своих исторических очерках Флавий упоминает о проповеди Иоанна Крестителя, о распятии Иисуса Христа, а также о мученической смерти апостола Иакова, брата Господня (Древн. 17; 18; 20).] рассказывает, что при Иерусалимском Храме действительно было здание, где жили и воспитывались отроковицы. Когда Мария была поставлена перед Храмом, Она бегом поднялась на пятнадцать ступеней. Это были гигантские ступени, потому что на них стояли хоры левитов [30 - Левит – священнослужитель в иудаизме, к священническому и любому храмовому служению допускались только представители колена (рода) Левия (Числ. 3:12–13; 40–43). Левий – третий из двенадцати сыновей ветхозаветного патриарха Иакова (Быт. 29–34).], исполнявших псалмы. В Псалтири есть пятнадцать псалмов с надписанием «песнь восхождения», так называемые «ступенны». Хор левитов сначала вставал на первую ступень и пел, потом поднимался на вторую и исполнял следующий псалом.

Так они пропевали пятнадцать псалмов, поднимаясь по пятнадцати ступеням. У нас также присутствуют «ступенны» в службе утрени. Но Мария, как сказано, «бегом поднялась по этим пятнадцати ступеням, не оборачиваясь назад, не зовя родителей Своих, как это обыкновенно делают дети». Оба источника подчеркивают это обстоятельство. «И все были исполнены удивления при виде этого, и священники Храма были в изумлении».

Отклонения в почитании Богородицы

Сейчас я хочу остановиться не на ересьях, а, скорее, на «перекосах», которые встречаются порой в нашей Русской Православной Церкви. С одной стороны, насколько прост язык Священного Писания – и Ветхого, и Нового Завета, настолько же прост и язык раннехристианских учителей и отцов Церкви. Позже мы входим в область афинейского (афинского) плетения, и некоторые молитвы, обращенные не только к Божией Матери, но и к Господу, становятся чрезвычайно витиеватыми. Кстати, русская культура никогда не была склонна к излишнему витийству, у нас это не считалось каким-то особым достижением и не поощрялось. Наоборот, речь многих наших великих писателей, с одной стороны, ярка и образна, а с другой – проста и естественна. Витиеватость воспринималась, скорее, как признак дурного вкуса. Но зачастую это витийство присутствует в молитвах. Например, нередко спрашивают о молитве «Не имамамы иныя помощи, не имамамы иныя надежды, разве Тебе, Пречистая Дево...» [31 - Кондак 6-го гласа из канона молебного ко Пресвятой Богородице.]. А как же Николай Чудотворец? Но мы же говорим: «Не имеем иной помощи, не имеем иной надежды.» И Ангел Хранитель, получается, упразднен, и непонятно даже, является ли Сам Господь для нас помощью и надеждой...

И таких откровенных несуразностей очень много. Они составляют наше византийское наследие. Мы любим эти молитвы, но всегда должны помнить о том, что в основе их лежит поэтическая речь, и, конечно же, не искать в читаемом догматический смысл, потому что в противном случае мы сразу же впадем в ересь. Характерно, что в Библии ничего такого нет. Там, разумеется, присутствуют поэтические образы, например, вся

Псалтирь – это поэзия, но она догматически выверена. Мы же продолжаем традицию византийской поэзии. Иногда это получается несколько нелепо, возможно, у нас отсутствует чувство истинной афинской поэзии, что особенно проявляется в самодельных акафистах и молитвах, распространяемых и печатаемых часто с грифом «по благословению такого-то архиерея», а иногда даже самого Патриарха.

Другой перекосяк происходит, когда в нашем сознании Богородица «заслоняет» Собой Христа. Подойдя как-то к церковному киоску, я, грешным делом, не поленился пересчитать образа. Сорок девять икон, и все – с изображением Божией Матери, и ни одной – с ликом Спасителя. И это несмотря на то, что VII Вселенский Собор утвердил в догмате иконопочитания: Слово стало плотью и явилось среди нас. Речь идет о боговоплощении, в первую очередь об иконе Христа!

По сути, то же самое относится и к молитвенной практике. Мы готовы бесконечно читать акафисты Божией Матери и всем святым, в то время как молитвы, обращенные непосредственно к Богу, в сущности, крайне немногочисленны. Часто приходится общаться с людьми, не имеющими даже навыка молитв к Господу. Они постоянно спрашивают: кому следует помолиться в том или ином случае, перед каким образом надо поставить свечку. Я расцениваю все это как медвежьи услуги, которые мы оказываем Богородице, а вслед за Нею и святым угодникам Божиим. Они в этом совершенно не нуждаются и едва ли поощрили бы наши действия.

Кроме того, существует немало акафистов непроверенного, а часто и откровенно сомнительного качества. При знакомстве с ними следует проявлять особую осторожность. То же самое относится и к таким иконам Божией Матери, которые не составляют Ее славы, а вместо этого отражают все, что угодно: игру чувств или выплески наших эмоций, но, однако, нередко висят в наших храмах. Все это очень далеко от подлинно православной молитвы, православной иконы и, конечно же, истинного православного почитания Божией Матери.

«Перекосяки» такого рода закономерно привели нас к столь исключительно плачевному творению, как «Богородичная псалтирь». В ее основу положены псалмы Давида, в которых обращения к Господу заменяются обращениями к Божией Матери. Например, вместо «Господи, воззвах к Тебе, услыши мя» [32 - Пс. 140.], пишется: «Мать Божия, воззвах к Тебе, услыши мя». Это настоящее кощунство продается даже в некоторых храмах, якобы по благословению митрополитов, патриархов и Святой Горы Афон! Господь однозначно говорит: «Славы Моей не дам никому» [33 - Я Господь, это – Мое имя, и не дам славы Моей иному... (Ис. 42: 8); Ради Себя, ради Себя Самого делаю это – ибо какое было бы нареkanie [на имя Мое]! Славы Моей не дам иному (Ис. 48: 11).]. Разве Божией Матери, сказавшей: «Се, Раба Господня», может быть угодно, чтобы Ее ставили вместо Бога?

Нельзя гневить Бога, славя Божию Матерь так же, как Создателя. Это было бы подобно тому, как даже из самых добрых побуждений называть иерея «его Высокопреосвященством» и воздавать ему архипастырские почести. «Кому честь – честь» [34 - Рим. 13: 7.], – говорит апостол Павел. Есть честь Богородицы, есть честь архиерея, есть честь священника, честь офицера, есть честь женщины и честь девушки.

С одной стороны, реакцией, спровоцированной этим неумным почитанием, становится протестантизм, в том числе по отношению к Божией Матери и святым. А с другой – не где-нибудь, а именно в русской православной среде, не без соучастия римо-католиков, уже в 1970—1980-х годах возникли так называемые «марианские движения», вылившиеся

в конце концов в небезызвестный «Богородичный Центр» [35 - Деструктивная тоталитарная секта, зарегистрирована Министерством юстиции как «Православная Церковь Божией Матери Державная», действующая с 1988 г. на территории России и стран СНГ. Основатель – Вениамин Яковлевич Янкельман (псевдоним Иоанн Береславский); с 1971 по 1990 г. Береславский наблюдался у психиатра по поводу хронического душевного заболевания – параноидной шизофрении, дважды находился на стационарном лечении в психиатрических больницах г. Москвы, имел вторую группу инвалидности. С 1990 г. психоневрологический диспансер посещать перестал.]

Появился некий литератор, который провозгласил себя пророком, стал называться Иоанном Береславским и начал получать «откровения Божией Матери». Согласно этим «откровениям», сейчас якобы наступает новая эра, «век Богородицы». Она восприняла всю полноту Божества и стала равна Богу. Во время Евхаристии стали причащаться Тела и Крови Господа и слез Богоматери. Для сторонников «Богородичного Центра» Христос остался в прошлом. Теперь, по их мнению, пришло время третьего, новейшего Завета – Завета Богородицы.

Иоанн Береславский жив, «Богородичный Центр» по-прежнему здравствует, и все это происходит где-то в Подмосковье. Многие православные шли туда, не распознав недостойной игры на их любви к Божией Матери. По словам Береславского, основанных на якобы полученных им «откровениях», Богородица у Креста страдала более, нежели Христос. Тут есть некое логическое обоснование: например, сына ударили, а матери при этом больнее, чем самому сыну. На этих в чем-то правильных мыслях и чувствах сыграли, и получилось, что оружие, прошедшее сквозь сердце Богородицы, – это уже не материнское горе, которое объяло Ее, когда Она взирала на Сына. Ее страдания больше и выше страданий Самого Христа! При этом причастие слез Божией Матери становится теперь залогом спасения.

Позже в Киеве некая женщина заявляет, что она и есть Богородица. Так появляется «Мария Деви Христос» [36 - В 1990 г. бывший инструктор Киевского горкома Марина Цвигун предсказала конец света на 10 ноября 1993 г. В назначенный день на Софийской площади Киева последователи секты «Белое Братство» пытались совершить массовое самоубийство. В 1996 г. Цвигун была осуждена на четыре года лишения свободы в ИТК. С 2006 г. проживает в Москве под именем Виктории Преображенской. Направление деятельности не меняет, основала оккультно-языческую организацию «Космическое полиискусство третьего тысячелетия».], и теперь уже не обязательно слушать «пророка» Иоанна Береславского, а можно общаться с ней непосредственно.

Стоит вспомнить, как все это развивалось. Сначала она была одним из двух «светильников», которые должны быть возжжены перед вторым пришествием. Вторым «светильником» объявлялся «Иоанн Креститель или Иоанн Свами». Позже «Мария Деви Христос» фактически провозгласила себя Богом на земле, организовав «Белое Братство», которое сейчас заглохло, но в середине восьмидесятых было массовым, поистине всероссийским движением.

Вот к чему приводит неблагочестивое почитание Божией Матери. От всего этого мы должны хранить себя, не впадать в крайности, но, как поется Великим постом в ирмосе девятой песни Великого канона, «Богоматерь православно величаем».

Однажды великого скульптора спросили: «Как тебе удается ваять такие красивые статуи?» На что тот ответил: «Это очень просто: надо только убрать все лишнее». Вот и нам с вами надо убирать все лишнее, и тогда будет видна красота нашей веры, в том числе

и красота почитания Божией Матери.

Иногда спрашивают, как в этой связи воспринимать великопостное сочинение Симеона Логофета «Плач Богородицы»? Это уникальное произведение читается после выноса плащаницы в Великую пятницу. Есть и икона «Не рыдай Мене, Мати», на которой изображена Мария, держащая на руках снятого с Креста, уже бездыханного Иисуса. В «Плаче Богородицы» поэтически раскрываются слова Симеона Богоприимца: ...и Тебе Самой оружие пройдет душу (Лк. 2: 35).

В связи с этим можно вспомнить о Маккавейских мучениках [37 - См.: 2 Мак. 7.]. Семь сыновей казнили, а мать, благословившая их на подвиг, отдает душу Богу. Ее не убивали, но она считается мученицей. Так же, уже в христианское время, случилось и с Софией, матерью Веры, Надежды и Любви. Она также укрепляла своих дочерей, а когда те были умучены, умерла и она. То есть действительно чувство материнской скорби было так велико, что жить далее стало уже выше ее сил.

И Богородица Своим присутствием укрепляла Господа. Возможно, и Она отдала бы душу Богу после Его смерти, если бы Господь не проговорил в Ее сердце (с Креста Он этих слов не произносил): «Разве Ты забыла, что Я на третий день воскресну?» Именно эти слова придали Ей сил, после чего Она становится свидетельницей Воскресения Христова. Существует предание о том, что именно Божия Мать была первой свидетельницей, хотя в Евангелии и говорится о Марии Магдалине как о первой, увидевшей Воскресшего Спасителя. Но в Евангелии постоянно упоминается и некая «другая Мария» [38 - См.: Мф. 28: 1.]. Некоторые отцы, например Григорий Палама, полагают, что эта «другая Мария» и есть Богородица. Та же мысль содержится и в Пасхальном каноне, составленном Иоанном Дамаскином [39 - Прп. Иоанн Дамаскин (675–753) – выдающийся богослов и систематизатор догматического учения Церкви, автор многих богослужебных текстов.] в VIII веке:

Ангел вопиаше Благодатней:

Чистая Дево, радуйся! И паки реку: радуйся!

Твой Сын воскрес тридневен от гроба, и мертвые воздвигнувый, людие, веселитесь!

Нам это неведомо – это тайна, находящаяся по ту сторону того, что мы можем знать.

Согласно древнему преданию, евангелист Лука изображал Деву Марию, и Она это изображение благословила. Мы с этим спорить не будем, хотя во всем мире насчитывается немало икон, написанных якобы самим апостолом Лукой. Причем, как утверждают искусствоведы, иконография является поздневизантийской. Это даже не ранневизантийский стиль, относящийся ко временам Вселенских Соборов. Сохранились также изображения, запечатленные на стенах катакомб [40 - В Риме сохранились раннехристианские катакомбы, служившие местом погребения, а также местом совместной молитвы и совершения Евхаристии, т. к. среди похороненных там было много мучеников. Катакомбы представляют длинные подземные коридоры с прямоугольными нишами для погребения. Стены украшают сохранившиеся со II и III вв. фрески, среди которых есть изображения Христа, Пресвятой Богородицы, пророков и праотцов, а также сюжетов сакраментальной жизни первохристианской общины – Крещения и Евхаристии.], относящиеся ко II веку, среди них присутствуют и лики Богородицы, так что есть возможность для сравнения. Владимирская же икона Божией Матери, скорее всего, должна быть датирована XI веком. Утверждая, что эта икона была написана Лукой, нам

пришлось бы поневоле отрицать всю историю развития искусства, в том числе и церковного, и говорить о том, что в I веке писались образы столь же высокого уровня, каким отмечена Владимирская икона Богоматери. Искусствоведы с этим, конечно же, согласиться не могут.

Мне думается, евангелист Лука изображал Божию Матерь, Которая вполне могла благословить эти образы, но в дальнейшем они перерабатывались и корректировались. Вполне возможно, что дошедшие до нас лики несут на себе следы той самой византийской иконы, которая появилась в результате процесса развития иконографии, а вот прообразы действительно могли восходить к евангелисту Луке. В конце концов, можно допустить, что на этой самой доске когда-то написал икону сам Лука. Но все это, конечно же, только догадки и предположения.

Нередко верующие задают вопросы, касающиеся теософии, и интересуются, в чем заключается ее польза или вред для православного человека. Если рассматривать сам термин, то «Теос» – это Бог, а «София» – мудрость, т. е. «теософия» – это «мудрость о Боге». Мистическая доктрина, распространившаяся со времен Елены Блаватской [41 - Блаватская Елена Петровна (1831–1891) – основатель «Теософского общества». Разрабатывала идею религиозного синкретизма, удобного для рационального европейского мышления конца XIX в., в основе которого преобладали элементы псевдонауки, псевдофилософии, гностицизма, буддизма и индуизма. Основной целью считала извлечение из любой религии эзотерической (тайной) составляющей и удаление всего внешнего – лишнего и ненужного. Широко практиковала спиритизм. Ее оккультные книги, издававшиеся на английском языке, пользовались большой популярностью во всем мире.], иногда приносит некоторую пользу атеистам. Она помогает им осознать, что существует и другой мир, а наш не сводится исключительно к молекулам и материальному благосостоянию народа, есть и другие, высшие ценности. Если человек, получивший этот импульс, пришел к Священному Писанию – хорошо. А если он останавливается на этом уровне, то в дальнейшем теософия лишь уводит его от Господа. Все-таки теософия – это богомыслие без Бога, и когда неподготовленный человек углубляется в мистику, он может отравиться лжеименным знанием, лжегнозисом о Боге.

Сегодня, когда большинство людей не сведущи в Священном Писании, не укоренены в вере и не воцерковлены, теософия опасна. Если я войду в химическую лабораторию, начну брать колбы и пробирки и произвольно смешивать их содержимое, может случиться беда. Лишь химик в состоянии подсказать, что и с чем можно соединять. Я же должен довериться ему. И в деле веры, по сути, происходит то же самое: доверьтесь учителям церковным, тем, кто не понаслышке знает о духовной жизни, но не лезьте сами в эти пробирки, иначе взорвется, иначе обожжетесь! И сколько теперь таких обжегшихся людей, которые всего начитались, все перепробовали! Как же трудно потом из всего этого выбраться! При этом в трудах той же Блаватской встречаются церквененавистнические высказывания, она действительно ненавидит Церковь. Но ведь не полезет же в электрощит человек, не разбирающийся в электротехнике, – пусть лучше этим займется профессиональный электрик. Почему же, не живя духовной жизнью, не зная ее законов, мы проявляем столь бесшабашную храбрость? Все может случиться. Слава Богу, если не убьет...

Догматическое учение о Богородице

Поговорим о догмате почитания Богородицы в Церкви, а существует ли он вообще? Иными словами, является ли Дева Мария предметом нашего исповедания? в «Символе веры» поется: «Верую во единого Бога Отца...», «...в Господа Иисуса Христа...», «...в Духа Святого...», «...во едину Святую Соборную и Апостольскую Церковь», «...чаю воскресения мертвых...». Вот, собственно, и все, во что нам надлежит верить. Можем ли мы сказать, что верим в Божию Матерь? в «Символе веры» из людей упоминаются лишь Понтий Пилат и Дева Мария, причем не как объекты веры, а как участники определенных событий, связанных с Сыном Божиим, о Понтии Пилате сказано: «...распятого при Понтийем Пилате...», о Марии – «...от Духа Свята и Марии Девы...».

Это очень важно: веровать надлежит именно в Бога. Попросту говоря, мы должны быть «боговерующими» людьми. Дева Мария, Понтий Пилат, апостолы, пророки – мы не говорим, что верим в них, хотя они и участвуют в нашей вере, причем участвуют очень активно и деятельно.

В самом Священном Писании Мария иначе и не именуется. Такие выражения, как «Богородица», «Божия Матерь» или «Приснодева», отсутствуют, но существуют в литургической и молитвенной практике Православной Церкви. Они возникали исторически, хотя мы не можем утверждать, что их использовали апостолы, иначе это было бы отражено в Новом Завете. Более того, такая терминология не характерна и для ранней христианской письменности – трудов мужей апостольских [42 - Среди мужей апостольских наиболее известны те проповедники, послания которых дошли до наших дней: епископы Климент Римский, Игнатий Антиохийский (Богоносец), Поликарп Смирнский, Папий Иерапольский. Также существуют анонимные памятники периода второй половины I – начала II в., такие как «Дидахи» (учение о двух путях).].

Мужи апостольские – это прямые ученики апостолов, т. е. «второе поколение» христиан. А вот в сочинениях «третьего поколения», у апологетов [43 - Апологеты – писатели и проповедники II–III вв., защищавшие и отстаивавшие христианство от критики и клеветы, выступавшие также, в свою очередь, с резкой критикой языческой религии.], таких как Иустин Философ Мученик или Иринеи Лионский [44 - Иринеи Лионский (ок. 130–202) – апологет и богослов II в., ученик мужа апостольского Поликарпа Смирнского (ок. 70–156), который, в свою очередь, был учеником апостола Иоанна.], эти выражения уже появляются, хотя широкое распространение получают лишь начиная с IV столетия.

Иными словами, в почитании Богородицы прослеживается определенная историческая динамика. Выделим несколько наиболее существенных моментов, сославшись на широко известное, классическое пособие митрополита Макария, посвященное православному догматическому богословию. Церковь исповедует, что Мария – Приснодева. Слово «присно» – означает «всегда», т. е. Она была Девой до Рождества, в Рождестве и после Рождества Иисуса. Иконографически это отображается звездочками, помещаемыми на Ее челе и плечах.

Придается ли этому какое-то особое значение? Преподобный Серафим Саровский – не догматист, не человек, занимавшийся учением Церкви, его духовный путь был иным: это отшельник и великий старец, тем не менее предлагал внести дополнение в «Символ веры», сделать то, что кажется крамольным почти любому православному человеку. Серафим Саровский предлагал привнести приставку «присно» в ту часть «Символа веры», где говорится о вере во Христа, «воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы». Преподобный считал правильным произносить «и Марии Приснодевы». Для него это

было очень важно и как-то по-особому пережито.

Конечно, убогого старца из Сарова никто из имевших власть архиереев слушать не стал. Никаких Соборов не собирали, никаких новшеств не внесли. Но, поскольку преподобный Серафим занимает чрезвычайно высокое место в духовной иерархии, к его мнению следует прислушаться.

На каком основании мы исповедуем, что Мария – Дева? Для начала приведем библейское обоснование. Во-первых, это пророчества Исаии, которые воспроизведены в Евангелии от Матфея: Се, Дева во чреве примет и родит Сына (Ис. 7: 14). Матфей в начале своего Евангелия повествует, как это произошло:

Рождество Иисуса Христа было так: по обручении Матери Его Марии с Иосифом, прежде нежели сочтались они, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святаго (Мф. 1: 18).

Подчеркивается: ...прежде нежели сочтались они... То есть Она рождает именно Девую. Далее говорится:

А все сие произошло, да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: «Се, Дева, во чреве примет и родит Сына...» (Мф. 1: 22–23).

Таким образом, Библия однозначно свидетельствует о том, что Мария приняла во чреве, будучи Девой. Не принимать это – значит отвергать свидетельство Евангелия, свидетельство Священного Писания. Все христиане знают историю Благовещения, описанную в Евангелии от Луки. Архангел Гавриил возвещает Марии, что Она примет во чреве. Мария не понимает, как это может произойти, и Гавриил объясняет:

Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим (Лк. 1: 35).

Иными словами, Она принимает в утробе Своей от Духа Святого. Слово «Приснодева» означает, что Мария, родив, останется Девой. Следует признать, что прямого указания на это в Евангелиях нет, тем не менее вера Церкви на сей счет однозначна и никогда и никем не оспаривалась.

Пророк Иезекииль в 44-й главе говорит о храме и его вратах:

И привел Он меня обратно к внешним воротам святилища, обращенным лицом на восток, и они были затворены. И сказал мне Господь: «Ворота сии будут затворены, не отворятся, и никакой человек не войдет ими, ибо Господь, Бог Израилев, вошел ими, и они будут затворены» (Иез. 44: 1–2).

Понятно, что это – прообразовательные слова, и тот, кто не хочет, не примет их. Но вера Церкви всегда состояла в том, что Мария и в рождестве остается Девой. Что касается братьев Иисуса, то это дети Иосифа от его первого брака. То есть они не единокровные и не единокровные братья Иисуса. Таковых у Него просто не было, потому что Господь не приходился Иосифу сыном в плотском смысле. Почему это столь существенно? Почему важно верить в то, что Мария девственно приняла Христа и осталась Девой? Мы к этому

привыкли. Но что было бы, если бы дело обстояло по-другому? Это те самые коварные вопросы, которые задает человеческий ум и которые заставляли святых отцов мыслить догматически и решительно выражать свою веру.

Уже ранние отцы Церкви утверждали, что Мария всегда оставалась Девой. Тогда и возникло выражение «Приснодева». Не просто Παρθενος;, т. е. «Дева» по-гречески, а именно αἰταρθενος;, т. е. «Всегда Дева», «Приснодева». Девство – это знак нетления. Есть и другое понятие – растление. А есть третье – брак. Неужели брак – это растление? Конечно же, нет. А означает ли брак нетление? Тоже нет. С одной стороны, Бог сотворил мужчину и женщину и благословил их на продолжение рода. «Тако благоволи Бог» – с этими словами священник снимает с головы невесты венец.

Вообще, в венчании значим не только тот момент, когда возлагают венцы: «Возложил еси на главах их венцы». Это значит – благодать Божия сходит. Но не менее священо и снятие венца. При этом иерей возглашает: «Зане тако благоволи Бог». То есть теперь ты – жена. С тебя снимается венец как награда девства, возлагающаяся на главу девицы. Теперь эта награда снимается, «так хотел Бог». Больше ты уже не будешь девой, примешь от мужа своего в утробе и станешь рожать детей. Это Божественное установление, а потому в нем нет и не может быть ничего растленного. Но христианство побеждает не только растление. Победа над грехом – это лишь первый уровень, но вера предлагает и другой, следующий уровень: «Бог идеже хочет, там и побеждается естества чин» [45 - Песнопение службы праздника Благовещения.].

Таким образом, брак – это естество, растление – извращение естества, а девство – сверхъестество, преодоление естества. И христианство открывает возможность победы не только над грехом, но и над чином естества. Именно поэтому Христос неоднократно совершает чудеса. Неужели Он не мог успокоить бурю без того, чтобы ходить по воде? Разве нельзя было накормить пять тысяч людей как-нибудь по-другому, кроме как пятью хлебами, которые при этом умножились? Мы видим, что Иисус побеждает естества чин. И даже не совсем ясно, зачем это было нужно. Показать, что Он может? Доказать нам, что Он – Бог? Что Он – всемогущ? Что ж, без этого наша вера, возможно, не состоялась бы. Но, конечно же, главное не в этом. И тем более отнюдь не это – главное для уверовавших. Им-то что доказывать, если они уже веруют? Значит, здесь побеждается естества чин. Зачем Иисус в пасхальный вечер заходит через закрытые двери? Разве нельзя было постучаться? Ученики бы с радостью бросились в Его объятия, и встреча бы состоялась. Но Иисус все же проходит через закрытые двери, и через эти неоднократные победы Господа над чином естества Царство Божие приходит к нам во всей Его силе и полноте.

Впервые это произошло во чреве Девы. В Нее Он прошел, не открыв дверей, и из Нее же вышел, вновь не открыв их. Они так и остались затворенными. Таким образом, приснодевство – это победа над природой. Победа уже не только над грехом, но и над самой материей, самим естеством. Это – уже начало Царства Божия. Это – нетление. Если тление присуще падшей природе, то нетление – победа над природой. И тем, кто или не придает приснодевству значения, или даже отвергает его, всегда присущ приземленный вид христианства, где и крыши плоские, и куполов нет. Им и не нужны никакие купола. Они вольно или невольно стремятся к тому, чтобы вера растекалась по земле, а не восходила к небу.

Мы часто называем Марию Нетленной. У праведников и мощи могут не подвергаться тлению. Христианин побеждает смерть во Христе, «смертию смерть поправ», и переходит в нетление. А состояние нетления – это состояние вечности. Это день будущего Века.

Таким образом, Дева Мария опередила ход событий. То, чего мы еще только ждем: «Чаю воскресения мертвых», – в Ней уже случилось. Потому и гроб не смог Ее удержать, и смерть Ею не овладела. В Ней Господь показал нам эту победу. То, что должно произойти со всем тварным миром, в Ней уже произошло. Она – начало спасенной твари. В этом – причина нашего особого почитания Богородицы и особого отношения к Ней.

При этом догматическое и литургическое осмысление приснодевства приходило с течением времени. Мы находим рассуждения об этом феномене уже в середине и второй половине II века у святых Иустина Философа и Ириней Лионского, а дальше они уже просто «кочуют» от одного святого отца к другому. Каждый излагает проблему по-своему, но сама мысль уже сформулирована. Происходит сопоставление Девы Марии и праматери Евы. Конечно, можно сказать, что это просто некое красивое сравнение, своего рода христианская поэзия. Несомненно, однако, что за этой поэзией стоит богословие.

В книгах, составляющих Новый Завет, нам об этом прочесть не удастся. Такие мысли мы находим у святых отцов. Например, у апостольского ученика Игнатия Богоносца. Согласно Преданию, он был тем самым младенцем, которого Иисус брал на руки со словами:

Если... не будете как дети, не войдете в Царство Небесное (Мф. 18: 3).

Игнатий Богоносец проповедовал о том, что три вещи были скрыты от сатаны: Дева, рождение и смерть, т. е. девство Марии, Рождество Иисуса и Его смерть [46 - См.: Еф. 19: 1.]. Этих тайн не знал падший ангел, поэтому и суетился. Читая Евангелие, мы эту суету замечаем. Иногда та или иная ситуация ставит его в тупик. «Если Ты Сын Божий...» [47 - См.: Мф.: 4: 6; Лк. 4: 9.] – говорит он Иисусу в пустыне, когда тщится искушить Его. Устами людей он кричит то: «Распни Его, распни!» – то:

«Сойди с креста!» [48 - См.: Мф. 27: 40; Мк. 15: 30.]

Так что же ему все-таки было нужно? Чтобы Христа распяли или чтобы это не состоялось? В Великую пятницу он суетился оттого, что не знал тайны смерти. Поначалу он желал смерти Спасителя, а потом понял, что она обернется его собственной гибелью. То же относится и к девству Марии, и к рождению Иисуса. Нечистые духи – вовсе не всеведущи. Не стоит думать, что, когда Спаситель пребывал на земле, дьявол прекрасно знал, Кто по земле ходит. Это было не очень-то даже понятно ученикам Христовым.

Итак, Дева и Ева. Святые отцы проводят такое сравнение. Как через Еву в мир пришли грех и смерть, так от Девы пришли спасение и жизнь. Дальше проводится сопоставление непослушания Евы и послушания Марии. Ева ослушалась Бога. Заповедано было не вкушать от запретного плода. Об этом запрете она знала и все же его нарушила. Мария послушалась Господа, Она со смирением говорит Архангелу Гавриилу:

Се, Раба Господня. Да будет мне по слову твоему (Лк. 1: 38).

Послушание Девы побеждает непослушание Евы. Это очень глубокое сопоставление. Ева – мать всех живущих. Отсюда и само имя, озна чающее по-еврейски «жизнь». А Мария – Матерь всех духовно живущих, т. е. рода христианского. Всякий христианин видит в Ней свою Матерь. Господь с Креста говорит Иоанну Богослову: Се, Матерь твоя, – а Марии: Се, сын Твой [49 - См.: Ин. 19: 25–27.] вверяя Ей Своего ученика. В этом проявляется трогательная забота Сына о благополучии Матери. Но святые отцы всегда

усматривали здесь большее. Если мы исповедуем Церковь Апостольскую, а апостол был усыновлен Марией, то видим в Деве и Матерь всей Церкви, Матерь всякого христианина.

Тут мы опять переходим в область нашей веры. И в лице Иоанна Богослова Господь говорит каждому из нас: Се, Матерь твоя. Как каждый может назвать Еву своей матерью, потому что она – наша общая прапраматерь, так каждый христианин может назвать Марию своей Матерью, потому что Она – общая наша Матерь во Христе. Приводится и такое сравнение: как Ева была взята от Адама без супружеского соития, так и Новый Адам, т. е. Господь Иисус, без супружеского соития был взят от Девы. Это сопоставление глубоко укоренилось в нашем сознании, в сердцах, чувствах и мыслях, в самой вере христиан. Для нас это чрезвычайно ценно и очень глубинно, даже несмотря на то, что в «Символе веры» речь об этом не идет.

Следует сказать и о том, что некоторые выражения совершенно не принимаются в протестантском мире, например, «Богородица» или «Божия Матерь» – наименования, которых нет ни в Новом Завете, ни у мужей апостольских. Они появляются постепенно, они даже вызывают некоторое сопротивление в христианской среде. Эти понятия, как и многое другое в духовной вере, возникли при соприкосновении эллинизма с Божественным Откровением. Апостол Павел говорит о том, что он «иудей для иудеев» и «эллин для эллинов». Божественное Откровение, выраженное в еврейской Библии и семитской культуре, переходит из Иерусалима в Афины и падает на совершенно другую почву – на почву эллинистической философии. Перевод нашей веры с еврейского на греческий – не просто текстуальный перевод, хотя и этот процесс не мог быть простым и безболезненным, а своего рода перевод одной культуры в другую. Появляются такие понятия, как «Троица», «Ипостаси Божии». Ни в Новом Завете, ни в Посланиях мы таких выражений не найдем. Поэтому те, кому это не нравится, спрашивают: «На чем основаны ваши выдумки?»

Эти глубокие понятия возникли на почве неоплатонической философии [50 - Неоплатонизм – заключительный период развития мысли античной философии. В основе учения содержалась идеалистическая философия Платона (204–269). Например, термин «Троица» святые отцы заимствовали у неоплатоников, вложив в него уже новое, евангельское содержание.]. Собственно, большинство богословских споров IV–V веков происходили на I, II, III и IV Вселенских Соборах [51 - Вселенские Соборы созывались в период с 325 по 787 г., по насущным вопросам, касающимся учения и бытия всей Вселенской Церкви. Всего их было семь. На этих Соборах присутствовали главы поместных Церквей или их официальные представители, а также весь епископат, представлявший свои епархии. Например, в VII Вселенском Соборе принимали участие 367 епископов. Догматические и канонические решения Вселенских Соборов признаются обязательными для всей Церкви. Для усвоения Собором статуса «Вселенский» необходима рецепция, т. е. проверка временем, и принятие его постановлений всеми поместными Церквями. Случалось, что под жестким давлением императора или влиятельного епископа участники Соборов принимали решения, противоречащие евангельской истине и церковному Преданию, со временем такие Соборы Церковью отвергались.]. Это было время напряженных исканий: как на языке и в категориях греческой культуры, привычных большей части образованного общества того времени, выразить Божественное Откровение Библии? Это далось дорогой ценой. От Церкви отпали несториане [52 - Несториане – последователи Константинопольского Патриарха Нестория, отрицавшего нераздельное единение во Христе Божественной и человеческой

природы. Ересь несторианства была осуждена отцами III Вселенского Собора в 431 г. В настоящее время несториан осталось совсем немного, приблизительно 200 ты сяч, это преимущественно ассирийцы, живущие в Ираке, Иране и Сирии, составляющие Ассирийскую Церковь Востока.] и монофизиты [53 - Монофизиты (греч. монос – один + физис – природа). Учение Константинопольского Архимандрита Евтихия, поддержанное Александрийским Патриархом Диоскором, о том, что во Христе человеческая природа растворилась в Божественной, вследствие чего Христос имеет одну природу. Православное же исповедание говорит о двух природах Христа – Божественной и человеческой, которые существуют неслитно и нераздельно. Ересь монофизитства была осуждена отцами IV Вселенского Собора в 451 г. В отличие от несторианства, монофизитство имеет немало последователей, это древние восточные Коптская, Эфиопская и Армянская Церкви.], произошли первые крупные церковные расколы, начиная с арианства, которое удалось преодолеть. При этом монофизитство не преодолено и по сегодняшний день [54 - Принятие учения монофизитов в V в. отдельными Церквями носило не догматический, а, скорее, политический характер, это было своего рода знамя сепаратизма и оппозиции Константинополю.].

Изучавшие историю Вселенских Соборов знают, как непросто, а порой и драматично они протекали. Иногда дело доходило даже до драк, когда их участников в прямом смысле загоняли под скамейки. Николай Чудотворец всего лишь отвесил оппоненту пощечину. Случалось же и гораздо худшее – задеиствовали солдаты, копья и мечи, осуществлялись ссылки на Аравийский полуостров, применялись казни, пытки, отрезания языков... Все было, как «оно положено здесь, на земле». И вот, в этом бурлящем историческом потоке Соборов образовался и догмат «Богородицы» – по-гречески «Θεοζοκος».

Если вдуматься, разве Бог может быть рожден? Однажды в поезде мне встретилась некая благочестивая деревенская старушка. Она оказалась мусульманкой, глубоко верующей и много знающей. Неожиданно эта бабушка спросила: «Вот вы говорите о Божией Матери. Разве у Бога может быть Мать? У Всевышнего, у Всемогущего, Который не имеет ни начала, ни конца, ни причины?» И действительно: вдруг Бог рождается, вдруг у Бога появляется Мать... Для иудейского сознания это абсолютно неприемлемо, как абсолютно неприемлемо и для сознания мусульманского. Ну а чем, собственно, отличается сознание христианское? Разве мы перестали быть монотеистами? Или мы уже не верим в Вечного, Безначального и Всемогущего Бога, Который превыше всякой твари? Согласитесь, слово «Богородица» или выражение «Божия Мать» не случайно отсутствуют в Библии и отнюдь не случайно вызывали такое напряженное к себе отношение. Речь ведь идет о рождении Иисуса Христа! Какова в этом роль Девы Марии?

Эти вопросы особенно обострились в V веке. Их поднял выходец из Антиохии [55 - Антиохия – один из крупнейших городов Византийской империи на территории древней Сирии. Сейчас входит в состав Турции, современное название Антакья.], Константинопольский Патриарх Несторий. Это был настоящий ревнитель Православия, твердо исповедовавший догмат Святой Троицы. В своем исповедании он четко следовал решениям двух первых Вселенских Соборов. Его сподвижник, также прибывший в Константинополь из Антиохии, пресвитер Анастасий, категорически возражал против выражения «веотокос;» и убеждал, что Марию следует называть «Человекородицей», поскольку Мария родила человека [56 - Следует отметить, что ни в Константинополе, ни в Риме, ни в Александрии наименование «Богородица» не вызывало недоумений, так как оно было освящено авторитетом святителей Афанасия Александрийского и Григория

Богослова. Еще ранее, в III в., этим термином пользовался Ориген и его ученик св. Дионисий Александрийский. Именно в Антиохии, откуда и был выходцем Диоскор, наименование «Богородица» встречало сопротивление.]. Тем более что мы с вами исповедуем Иисуса Христа, Сына Человеческого. Мы же Его исповедуем как Истинного Человека? Вот Этого Самого Истинного Человека и родила Мария. При чем же тут Бог?

Это уже вопросы христологии, относящиеся к тому, как мы веруем во Христа. А мы веруем, что в Этом Истинном Человеке есть Истинный Бог. Мария-то тут при чем? Она же рождает не Бога, Она рождает Человека. Есть логика? Разумеется, Анастасий не был врагом христианства, но все же вызвал волну смущения. Народ в ту пору отличался горячностью. Даже на рынках торговли спорили тогда об Ипостасях и Сущностях. Сейчас же, к сожалению, напротив, монахи и священнослужители в алтарях порой рассуждают о ценах на рынке...

Во время избрания патриархом Несторий заявил императору, что тот должен очистить империю от еретиков, а он, Несторий, очистит императору небо, ведь именно патриарху вручены ключи от Царствия Небесного.

При Нестории, человеку глубоко православном, и возникло это нестроение. Патриарх понимает, что термин «Человекородица» не годится, а восприятию термина «Богородица» противится его православное богомыслие. Тогда он предлагает другое, «промежуточное» решение. На первый взгляд абсолютно безупречное – «Христородица». Сказав так, мы окажемся совершенно правы. Таким образом, Несторий, казалось бы, нашел выражение, которое в какой-то степени должно было всех устроить и примирить.

В 431 году был собран III Вселенский Собор, поскольку тот же Несторий пошел несколько дальше в своем богословии. Теперь дело касалось уже Самого Христа. Речь шла о том, в каком смысле Его можно считать Богочеловеком. Был даже сделан вывод, что Он – просто Человек, а Божество лишь «вошло» в Него. Позже это учение получит название несторианства. Собор отверг учение Нестория о Христе, подчеркнув, что Божество изначально восприняло плоть в утробе Девы и Слово стало плотью в утробе Материнской.

Основная мысль III Вселенского Собора была связана с исповеданием Христа, но отцы коснулись и темы Марии. Если Слово, т. е. Бог, приняло плоть человеческую изначально в утробе Материнской, то разве Тот, Кого рождала Мария, не является Богом? Слово «Человекородица» правильно отражает суть вещей. Но ведь Человек Этот и есть Истинный Бог, поэтому утверждено было именовать Деву именно «Богородицей». Однако не в том смысле, что Она родила Бога. Бог – предвечен, Бог – Ее, Марии, Творец. Христос – Ее, Марии, Спаситель. Но изначально в этой плоти заключена вся полнота Божества. Как пишет апостол Павел, в Нем обитает вся полнота Божества телесно (Кол. 2: 9). И вот, рождая эту телесность, Она рождает в мир и всю полноту Божества. Так появляется термин «Богородица». Для нашего православного сознания он понятен, хотя и таит в себе определенную богословскую опасность, поскольку его всегда следует объяснять. Используя его без необходимых пояснений, можно дойти до абсурда, до утверждения о том, что кто-то из людей родил Бога. Нет, Бог сотворил все. Он Безначальный, в данном же случае речь идет об участии Марии в рождестве Христа.

Кстати, еще до III Вселенского Собора святой Григорий Богослов весьма категорично заявил, что не именующий Деву Марию Богородицей не является христианином. Почему? Потому, что не называть Марию Богородицей означает не признавать, что Рожденный Марией есть Бог. Именно эта мысль была в то время чрезвычайно важна. В сегодняшней

православной среде она уже не актуальна. Либо ты в это веришь и ты православный, либо не веришь и к христианству вообще и к Православию в частности никакого отношения не имеешь. Тогда же слово «Богородица» прошло сквозь «сито» соборного осознания именно для того, чтобы подтвердить, что Мария родила не просто Человека, а родила Ту Плоть Человеческую, в Которой обитала Вся Полнота Божества. Таким образом, термины «Богородица» и «Божия Матерь» окончательно утвердились в сознании христиан спустя четыреста тридцать лет после того, как Мария родила Спасителя.

Теперь же православное величание Богородицы прочно вошло в наше догматическое, вероучительное сознание, хотя действительно самым безупречным остается термин, предложенный Несторием, – «Христородица». Мария родила Христа. Тут и объяснять ничего не надо. Но раз не надо ничего объяснять, значит, и глубина скрытого смысла невелика. Ведь и так все знают, что именно Она родила Иисуса Назарянина. В этом выражении нет богословия. А в слове «Богородица» оно есть.

Поговорим теперь об учении о Деве Марии как о Богородице, Ходатаице и Покровительнице. Найдем ли мы основания для этого в Священном Писании? Как соотносятся все наши акафисты, каноны и молитвы, обращенные к Божией Матери, с библейскими текстами?

Да, был брак в Кане Галилейской [57 - См.: Ин. 2: 1–11]. Святые отцы часто указывают: когда выяснилось, что на столе не хватает вина, Мария ходатайствовала перед Иисусом. Действительно, здесь мы видим момент предстательства, момент ходатайства Марии. Для православных это важно. Но что, если человек не приемлет нашего учения? Прочитывая этот текст, мы ему абсолютно ничего не докажем. Он скажет: «Такая ситуация вполне реальна. Мне и самому много раз случалось просить за тех или иных людей. Ну и что же из этого следует? Ровным счетом ничего. Все так поступали. Какая мать не попросит сына, чтобы тот что-либо сделал, если имеет возможности для этого? При чем тут Заступнице Усердная рода христианского?»

Конечно же, мы не можем оперировать этим текстом как доказательством. Эпизод, произошедший в Кане Галилейской, дорог православным, близок нашему сердцу. Он согревает верующих тем, что Мария ходатайствует о них. Но в качестве доказательства мы его привести не сможем. Впрочем, существует и еще один текст. Это 44-й псалом о Царе и Царице: ...стала Царица одесную Тебя в Офирском золоте... Там есть и такие слова: Лицу Твоему помолятся богатыи людстии. Я намеренно использую церковнославянский язык потому, что эти слова, относящиеся к Богородичному прокимну [58 - Прокимен (греч. лежащий впереди) – трехкратное пение избранного стиха из Псалтири, обычно предваряющее чтение Священного Писания во время богослужения. Прокимны имеют тематическую связь с празднуемым событием.], мы часто слышим в храме. Говоря по-русски, богатейшие из народа будут умолять лицо Твое. Поскольку мы считаем, что это пророчески соотносится с Девой Марией, то, следовательно, Ее лицо, лицо Царицы, будут умолять богатые люди. Для нас, христиан, это указание очень важно, но тем, для кого такой подход неприемлем, этим текстом опять-таки ничего не докажешь. Они просто заявят, что псалом не имеет к Марии никакого отношения, а поскольку он иносказательно-прообразователен, то действительно логически безупречного доказательства мы предъявить не сможем. Но вера Церкви всегда была такова. Мы осмысливаем Писание, исходя из Священного Предания. Священное Предание, которое

учит нас призывать Марию Божию Матерь как Предстательницу, дает нам возможность воспринимать 44-й псалом прообразовательно, равно как и события, происходившие в Кане Галилейской. То есть наше упование основано на реальной практике, существующей в христианской Церкви.

Конечно же, эту практику тоже следует рассматривать в контексте ее исторического развития. В раннехристианской Церкви и отчасти III века призывание святых отнюдь не было центральным моментом веры, хотя и имело место. Происходило примерно следующее: перед казнью к осужденному подходили люди (общаться с приговоренными к смерти тогда, как правило, не возбранялось) со словами: «Ты сегодня уже „там“ будешь и увидишь Учителя. Попроси Его помочь мне в нужде». То есть не существовало ни канонов, ни акафистов, а все просьбы излагались совершенно конкретно. При этом были непосредственность веры, реальное ощущение отсутствия смерти и чувство единения земной и небесной Церкви. Иными словами, ходатайство, прозвучавшее в Кане Галилейской, никогда не прекращалось.

Кстати, когда говоришь об этом людям, не приемлющим наше учение, возразить они уже не могут. Ведь мать всю жизнь молится о своем ребенке. А что же происходит после ее земной кончины? Разве в Царствии Небесном нет места молитве? Но ведь молитва – это способ общения с Богом. Весь Апокалипсис, приоткрывающий нам незримую сторону бытия, наполнен этим. На страницах этой священной книги постоянно поклоняются и величают, просят и ходатайствуют. Встречаются даже молитвы об отмщении: Доколе не мстишь, Владыко Святой? [59 - Откр. 6: 10]

Вера в отсутствие смерти и в жизнь вечную и дает нам основание к призыванию Божией Матери. Раз Пасха для нас – вполне реальное, а не происшедшее две тысячи лет назад событие, то и предстательства святых, и в первую очередь Божией Матери, для нас совершенно естественны. Так призывание вошло в Церковь, а каноны и акафисты – это уже не догматика, это путь литургического развития Церкви.

Изначально не было ни вечерни, ни утрени, не было Типикона.

Молились своими словами и молились по-разному. Нередко использовали синагогальные молитвы, но существовала и собственная, личная молитва – молитва в Духе Святом. По сути, Церкви всегда было присуще обращаться за предстательством к тем, кто пребывает на Небесах.

Не стоит считать, что текстами, подобными 44-му псалму и повествованию о браке в Кане Галилейской, обусловлена наша вера в действительность и реальность Пасхи. В то, что смерть побеждена. В то, что ныне же будешь со Мной в раю (Лк. 23: 43). В то, что праведная душа идет к своему Искупителю и что она предстоит перед Богом в молитве за своих близких, дальних и даже за врагов. На этой глубокой вере основана наша молитва.

Со временем молитвенный опыт приходит и к человеку, и к Церкви. Исторически Церковь накопила богатейший опыт призывания Божией Матери. Уже никто не может подсчитать, сколько раз по молитвам Богородицы совершались чудеса заступничества как за того или иного христианина, так и за целые народы и государства. Например, после молитвенных обращений к Божией Матери перед Владимирской и Казанской иконами вражеские войска «внезапно» поворачивали вспять. Еще раз подчеркнем: вопросы, связанные с ходатайствами и предстательствами, – это вопросы живого молитвенного опыта Церкви, основанного на нашей пасхальной вере.

Теперь обратимся к величаниям. К примеру, у вас есть хороший знакомый, вхожий к влиятельному лицу, которое может разрешить ваши проблемы. И мы этим пользуемся,

говоря: «Ты увидишься завтра с Н. Попроси его, пожалуйста, о помощи». Ситуация понятна и типична. Но должны ли мы при этом как-то «возвеличивать» нашего знакомого? Разумеется, нет.

В определенной мере традиция величания и убажания Богородицы может даже привести к некоторому смущению. Ведь и Сам Бог сказал, что славы Своей не даст никому. То есть получается, что вся наша вера, все наше славословие должны быть адресованы исключительно Господу. Почему же все-таки следует величать Божию Матерь?

На этот вопрос у нас есть совершенно четкий ответ, основанный на евангельском тексте. Еще до Рождества Христова Мария говорит при встрече с Елисаветой:

Величит душа Моя Господа. И возрадовался дух Мой о Бозе, Спасе Моем. Что призре на смирение Рабы Своея. И отныне убажат Мя вси роди. Яко сотворил Мне величие Сильный. И свято Имя Его... (Лк. 1: 46–49).

Здесь вполне определенно говорится: убажат Мя вси роди потому, что сотворил Мне величие Сильный. «Сильный» – это Бог. Если Господь сотворил Ей величие, то кто тот человек, который не согласится на это? Каковы те «роди», которые ее не убажают? Эта мысль очевидна не только сердцу, но и уму, поэтому мы, нисколько не смущаясь, в Богородичные праздники поем величания Пресвятой Деве, т. е. возвеличиваем Ее. Все мы произносим молитву: «Достойно есть, яко воистину блажити Тя, Богородицу...» [60 - Молитва Богородице; используется в богослужении и в частных молитвенных последованиях, обычно в завершительной их части.], т. е. мы Ее убажаем. Это не просто какое-то абстрактное уважение, проявляемое по отношению к тому или иному праведному лицу, а наш молитвенный опыт.

Наконец, мы называем Марию Царицей Небесной. Для православного сознания это вполне естественно, а для слуха неверующих звучит по меньшей мере странно. Царь Небесный – это понятно. Царь царей и Господь господствующих (Откр. 19:16) – так о Нем говорится в Священном Писании. А какая может быть Царица Небесная? Кто Ее поставил на царство? Каким образом Она стала Царицей? Откуда вообще пошло, что на небе существует Царица? Обратимся вновь к 44-му псалму: Предста Царица одесную Тебе. Наше сознание видит Царицей Марию, несмотря на то что в большинстве экклезиологических святоотеческих толкований утверждается, что речь в данном случае идет о Церкви, что Царица одесную Царя – это Церковь Божия. Например, таким образом толкует 44-й псалом Василий Великий. Иными словами, с исторической точки зрения Богородичное толкование этого псалма достаточно позднее. Ранние христианские отцы не толкуют этот текст в Богородичном значении. Здесь также налицо динамическое развитие этого представления.

Известна икона «Венчание Богородицы», на которой изображены Отец Небесный, Христос, голубь, символизирующий Дух Святой, Божия Матерь и корона. То есть вся Святая Троица венчает Марию на Царство. Изначально православная иконография такого сюжета не знала, но в XVIII–XIX веках, когда мы «прорубили окно в Европу», многое пришло к нам с Запада, в том числе и этот образ. И в наших храмах, расписанных в XVIII–XIX столетиях, есть такие изображения, не основанные непосредственно на библейских текстах. Но «Царице моя Преблагая» мы поем, «Царицей Небесной» Ее именуем.

Мать царя всегда называлась царицей. И мы именуем Марию Царицей на том же

основании, как и называя Ее Богородицей. У Предвечного Бога матери нет. Но Мария родила нам Бога. Она нам Его дала. Так же дело обстоит и с Царством. На небе – один Царь, и Своей царской властью Бог ни с кем не делится. Монотеизм – это абсолютная монархия. Бог Один правит миром и не имеет соправителей. И Мария, естественно, не «соцарствует» Христу. Мы же, именуя Деву Марию Царицей, ублажаем Ее не потому, что так нам заповедано свыше, но потому, что этого требует наше благочестие. Церковь свидетельствует о неоднократных видениях, в которых Мария являлась в царском благолепии, в виде Небесной Царицы.

Мы поем: «Честнейшую *censored*увим и Славнейшую без сравнения Серафим». Откуда нам это известно? Ведь в Новом Завете таких слов нет и Ее сопоставления с ангельским, горним миром не происходит. Кто честнее, кто выше... Мне неизвестно происхождение этого песнопения, но оно пришло, полюбилось, попросту растворилось в молитвенном опыте Церкви. Ублажаем мы Ее – «Честнейшую *censored*увим и Славнейшую без сравнения Серафим» как превысшую всех тварных существ. Она – Начало нетления. Рождая, будучи Девой, Она побеждает естества чин, точнее, Бог побеждает в Ней. И если человек – венец творения, то Мария – некий Венец рода человеческого.

Мы помним, как однажды два ученика без ложной скромности вознамерились усесться по левую и правую сторону от Спасителя. Их мать, видя некоторое возвышение Петра, решает поспособствовать своим Иоанну и Иакову обойти его. Понравилось ли это Учителю? Нет, и Он переводит разговор на совсем другие темы и говорит о Чаше, которую надлежит испить, о Крещении, которым надо будет креститься, о Сыне Человеческом, Который идет на страдания [61 - См.: Мф. 20: 20–23].

Так кто же все-таки сядет по правую и левую руку? Петр с Андреем Первозванным или кто-то другой? Кто окажется по правую и левую сторону от Христа в Царствии Небесном? Божия Матерь как Честнейшая *censored*увим и Иоанн Креститель как наибольший из рожденных женами [62 - См.: Мф. 11: 2–19; Лк. 7: 18–35.]. При этом, согласно вере Церкви, они будут предстоять: И предста Царица одесную Тебе. А Саломия хотела, чтобы ее сыновья сидели рядом. Но только Сыну Божиему было уготовано вознестись на небо и сесть одесную Отца. Апостолы же усядутся не перед Богом, а на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израиля (Мф. 19: 28). Перед Богом же не сидят. Перед Богом осуществляют стояние.

Почему же именно Дева Мария и Иоанн Креститель предстоят Богу? Мария чрезвычайно близка нашему сознанию, хотя в Евангелии и упоминается не так часто. Что же касается Иоанна Крестителя, то он на фоне ярко выписанных апостолов оказывается как бы в тени. Почему это произошло?

У Марии и Иоанна было особое служение уже здесь, на земле. Задумаемся: кто больше – ученик или учитель? Учитель. Апостолы были учениками. Зададим следующий вопрос: а кто больше – мать или сын? Следуя той же житейской логике, мы должны ответить: мать. Ну и наконец: кто больше – креститель или крещенный им? Креститель. Только двум людям во всей вселенной было предназначено уникальное, особое служение. Иоанн Креститель говорит, что ему самому следует креститься от Иисуса. Но Спаситель отвечает:

Оставь теперь, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду (Мф. 3: 15).

Когда Архангел Гавриил приходит к Деве Марии, Она тоже не претендует на какую-либо особую роль и уступает, лишь когда посланец возвещает: «Зане тако благоволи Бог». Тогда Она со смирением говорит:

Се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему (Лк. 1: 38).

Таким образом, лишь двоих этих людей ожидало особое, поистине небывалое предназначение.

Что ж, ученик меньше Учителя, а посланник – меньше Того, Кто его послал. До сих пор все в общем-то понятно. Гораздо сложнее дело обстоит с учением о «кеносисе» («κενωσις» – умаление) – т. е. об «истощании Божества». Согласно ему, Бог, приняв плоть, умалился перед людьми. Он позволил Себе быть Ребенком на руках у Матери и Крещаемым в руках Крестителя. В этом и состоит их особая роль. Апостолы же основали Церковь и проповедовали. Мы исповедуем Церковь Апостольскую, а не Богородичную.

Возможно, в том, что Дева Мария, родившая Спасителя, и Иоанн, совершивший над Ним Крещение, как бы отошли на евангельских страницах в тень, тоже заключен особый, мистический смысл. Следовало уберечь людей от неправославного, избыточного их почитания. Церковь восприняла эту тайну и отображает ее в том, что и Мария и Иоанн Креститель предстоят Господу во славе.

Богородичные ереси

Существуют разные виды ересей [63 - Ересь (греч. мнение) – сознательное отклонение от догматического исповедания веры Церкви.]. Есть ереси антитринитарные [64 - Отвергающие или искажающие учение Церкви о Едином Боге в Трех Лицах.], относящиеся к Святой Троице. Есть христологические, искажающие учение о Христе, например несторианство или монофизитство. Получили распространения и экклесиологические ереси [65 - Искажающие учение о природе Церкви.], относящиеся к учению о Церкви. Иными словами, во всех аспектах веры случались отклонения и возникали еретические учения. Существуют и отклонения от православного почитания Девы Марии, Матери Господа, так называемые мариологические ереси. Этот термин используется даже чаще, чем выражение «богородичные ереси». Перечислим некоторые из них.

Первая, самая ранняя, собственно не являющаяся ересью как таковой, – это обвинение иудеями времен Христа и апостолов Девы Марии в прелюбодеянии. Мы уже говорили об истоках такого обвинения. Праведный Иосиф смущается, видя свою жену «непраздно», но Ангел Божий развеял его смущение. Слухи дошли до священников, и Марию подвергли специальному испытанию. Согласно ветхозаветному обычаю, Ей надлежало испить освященную воду, а затем отправиться на гору, расположенную за Иерусалимом, – по всей видимости, на Елеонскую гору. Дальше Господь давал какой-либо знак. Если человек был виновен, на нем проявлялось наказание Божие. Дева Мария вернулась совершенно чистой, без какого-либо порицающего знака. Так было признано, что Она – Дева.

Тем не менее клевета продолжалась и дальше, поскольку если кто-то не желает принять учение о Непорочном Зачатии Христа, а именно, что Христос родился от Духа Святого и Марии Девы, то и не примет его. Например, в булгаковском «Мастере и Маргарите»

Иешуа рождается от греха, совершенного Марией. Художественная литература вообще нередко обращается к этой теме, пытаясь представить Ее блудницей. Видимо, это обвинение так и будет тянуться за Ней шлейфом через века до конца, потому что всегда найдутся люди, не желающие исповедовать Непорочное Зачатие. Разумеется, такое отношение к Богородице #Церковь решительно отменяет и не приемлет. Наше православное религиозное чувство воспринимает его как хулу на Божию Матерь.

Интересно, что, согласно Корану [66 - Коран (араб. назидание) – священная книга мусульман. По свидетельству основателя исламской религии Мухаммеда (571–632), ему являлся ангел Джабраил (Гавриил) в течение 23 лет, открывая истины, которые Мухаммед пересказывал своим единомышленникам. После смерти Мухаммеда все его поучения были сведены в одну книгу. Иисус Христос в Коране занимает важное место, Его Божество не признается, но мусульмане почитают его за великого пророка. Некоторые повествования Корана об Иисусе дословно совпадают с гностическими апокрифами, что дает повод говорить о заимствовании.], Мария (или Мариам) рождает Ису, т. е. Иисуса Христа, от Бога. То есть мусульмане не подвергают *censored* Деву Марию. Правда, при этом они не считают Ее Божией Матерью – у них Она рождает пророка, но рождает Его чудесным образом – от Духа Божьего. Рожденный таким образом, Иисус играет исключительную роль в Коране. Даже Мухаммед рождается от обычных родителей и умирает естественной смертью, а Иисус рождается сверхъестественно. В Коране выражена мысль о том, что Бог сотворил Иисуса, как и первого Адама. Первого Адама Бог сотворил из земли, а Иисуса – от Мариам, от Девы Марии. Конечно, с таким утверждением христиане согласиться уже не могут. Иисус не сотворен. Но сам факт благоговейного отношения к Мариам, к Марии характерен для ислама.

Следует остановиться и на протестантском отношении к Божией Матери. Часто в протестантской среде раздаются утверждения о том, что Мария якобы приходится матерью братьям Иисуса. Но нам известно, кем на самом деле приходились ей эти братья. Порой ссылаются на Евангелие от Матфея:

Рождество Иисуса Христа было так: по обручении Матери Его Марии с Иосифом, прежде нежели сочтались они, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святого (Мф. 1: 18).

Означает ли фраза: прежде нежели сочтались они, что когда-нибудь, пусть и впоследствии, они все же сочтались? Если так, то могли родиться и другие братья. Иначе какой же смысл заключен в этих словах? Что ж, вопрос закономерный, но в таком случае братья Иисуса должны были быть младше Его.

А они на самом деле были старше, хотя прямо в Евангелиях об этом и не говорится [67 - Например, о том, что братья Иисуса были старше Его, свидетельствует само отношение их к Нему. Невозможно представить, что на Востоке младшие будут говорить старшему: Выйди отсюда и пойдешь в Иудею, чтобы и ученики Твои видели дела, которые Ты делаешь (Ин.7: 3–4).].

Эта ересь возникла задолго до зарождения протестантизма и обсуждалась еще в раннем христианстве. В трудах многих святых отцов IV–V веков мы находим размышления, посвященные этой теме. Они сводятся к следующему. Вот последние слова Евангелия от Матфея:

Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь (Мф. 28: 19–20).

А что, разве после скончания века Он уже больше не с нами? Святые отцы даже не размышляют на эту тему, они говорят, что, если сказано, что се, Я с вами до скончания века, это не значит, что после скончания века Господь оставит нас. Действительно, сейчас Он с нами. А потом? А потом тем более.

Подобным же образом трактуется и текст, касающийся Марии. Если говорится «прежде, нежели сочетались они», то это отнюдь не означает, что они сочетались позже. Христиане всегда верили, что Господь пребудет с нами и после кончины века и что Иосиф и Мария не сочетались и впоследствии. То есть идея состоит не в том, что они сочетались позже, а в том, что Мария приняла Духа Святого без сочетания. Прежде нежели сочетались – т. е. без сочетания. В Новом Завете Иисус называется Первенцем. Но если Иисус – Первенец —

И родила Сына Своего Первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли (Лк. 2: 7), —

значит ли это, что потом были и другие? Такой вопрос тоже может быть нам задан. Обычно в таких случаях надо исследовать языковой контекст. Например, Ангел-губитель, как говорят святые отцы, уничтожал египетских первенцев [68 - См.: Исх. 11: 4–7, 12: 23–29.]. А в тех семьях, где был только один сын, уничтожался он или нет? Уничтожался, хотя других сыновей не было. Господь велел израильтянам посвящать Ему своих первенцев. А если другие дети больше в семье не рождались, следовало ли все равно посвящать первенца Богу? Безусловно, следовало. То есть употребление слова «Первенец» вовсе не означает того, что существуют второй и третий сыновья. Первенцем может называться и единственный – первый и последний ребенок мужского пола.

В протестантизме прослеживается и другая мысль: Мария – простая, обыкновенная женщина. Тут важен скорее психологический, нежели вероучительный момент. Сама Дева Мария только так к Себе и относилась, со смирением говоря: «Се, Раба Господня». Что же касается протестантов, то мы сталкиваемся здесь с реакцией на почитание Божией Матери, которое сложилось в католичестве. В православном восприятии признается, что Дева Мария, конечно же, никакой не «сверхчеловек». Но в этой «простой женщине» мы усматриваем особую чистоту и особую избранность. Святые отцы говорили о том, что все добродетели, копившиеся в веках и тысячелетиях до пришествия на землю Христа, нашли в Ней свое воплощение. Может быть, это произошло даже на генетическом уровне. Ведь наследуем же мы добродетели своих предков. Вот и Мария вобрала в Себя все добродетели праотцев и праматерей древнего Израиля. Эта мысль близка православному сердцу: И сотворил Мне величие Сильный (Лк. 1: 49).

Протестантизм отрицает и роль Девы Марии как «Ходатаицы», поскольку приверженцы этих учений вообще не верят в ходатайства святых. Православие не ощущает непреодолимого разрыва между Церковью земной и Церковью небесной. Мы молимся за усопших, усопшие молятся за нас, вместе составляя Единую Церковь Христову. Смерти нет, она побеждена Воскресшим Спасителем. И в этом чувствовании мы обращаемся к Марии как к Ходатаице.

Древние ереси

Говоря о древних ересях, чаще всего упоминают Константинопольского Патриарха Нестория, жившего в V веке. Согласно несторианству – учению, осужденному на III Вселенском Соборе, о Марии следовало говорить исключительно как о Человекородице или как о Христородице. Православная же Церковь настаивает на том, что Мария – Богородица, поскольку Христос, Которого Она родила, обладал всей полнотой Божества и, следовательно, Она «явила миру Бога». В Ее девической утробе Слово стало плотью.

И бесспорно – великая благочестия тайна: Бог явился во плоти, оправдал Себя в Духе, показал Себя Ангелам, проповедан в народах, принят верою в мире, вознесся во славе (1 Тим. 3: 16).

И это произошло через Марию. В этом значении, именно в этом смысле мы именуем Ее Богородицей и от этого наименования не отказываемся, ни в коем случае не приписывая Марии рождение Существа Божия. Она родила Спасителя. В борьбе с этими древними ересями, собственно, и сложилось православное учение.

Очень интересным и значимым является отношение к Божией Матери в Католической Церкви. Между Православной и Католической Церквями существуют некоторые разномыслия в почитании Богородицы. И там и там существует литургическое почитание [69 - Почитание, отраженное в богослужении, молитвах и иконографии.] Божией Матери. Но в некоторых пунктах существуют и различия. Главный из них – учение Католической Церкви о Непорочном Зачатии и рождении Марии. У нас, на Востоке, особенно раньше, когда взаимоотношения были не столь налажены, а взаимная информированность оставляла желать лучшего, существовало мнение, будто католики учат, что Иоаким не приходится отцом Марии. Якобы Анна родила Марию таким же образом, что и Мария – Иисуса, т. е. от Духа Святого. Однако католики так никогда не говорили. Такого учения в Католической Церкви не было и нет. Но существует учение о Непорочном Зачатии Божией Матери. То есть, родившись по природе естественным образом от соития Иоакима и Анны, Мария не унаследовала первородного греха [70 - Первородный грех наследует каждый человек при рождении. Вследствие греха непослушания Богу, природа первых людей Адама и Евы повредилась. Это состояние падшей природы, т. е. души, стремящейся ко злу и противящейся добру, мы наследуем от наших прародителей. Например, нам не хочется осуждать или ругаться, но мы не можем сдержаться и постоянно срываемся, хотя и страдаем после этого душой и обещаем впредь исправиться. Но исправиться не получается или получается на незначительное время путем колоссальных усилий. Напротив, чтобы осудить человека или оскорбить его, усилий никаких не требуется, все получается само собой. Залог избавления от поврежденного состояния первородного греха человек получает в Таинстве Крещения, и при условии жизни во Христе это греховное состояние души врачует окончательно.] и родилась Непорочной. На чем же базируются такие утверждения, почему они не соответствуют действительности и какова их история?

Сначала поговорим о самом догмате. В качестве его основания приводится, например, такой текст. Архангел Гавриил является Деве Марии и говорит:

Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою. Благословенна Ты в женах...» (Лк. 1: 26–28).

Мария признается Благодатной, а следовательно, и Безгрешной. То есть Она не была отягощена первородным грехом и уж тем более грехами личными. Привести какие-либо другие тексты Священного Писания в пользу такого учения практически невозможно. Православная Церковь на это отвечает, что слово «Благодатная» здесь следует воспринимать как «Облагодатствованная». Как видим, различие весьма существенно. Кто Благодатен, поскольку дает благодать? Господь. Согласно учению святого Григория Паламы, благодать – это энергия Божия, которая исходит в этот тварный мир [71 - Свт. Григорий Палама (1296–1359) – отец и учитель Церкви. Его учение о нетварной Божественной энергии, через которую человек приобщается к Богу, занимает одно из центральных мест в православном богословии.]. А мы часто говорим о благодати Божией Матери, о благодати, например, преподобного Серафима Саровского, а потом и о благодати отца настоятеля... Благодать же одна – Божия, и никакой другой благодати быть не может. Мы говорим о благодатном священстве. Действительно, через священство благодать Божия подается в мир. Мы и о Марии говорим, что Она Благодатная, в том отношении, что через Нее благодать Божия в мир приходит. Таково учение Православной Церкви.

Из сказанного проистекает многое. Если Богородица родилась без первородного греха, то почему бы и остальным не родиться так же? Тогда и Христу не надо приходить в мир. На этот вопрос католическое богословие отвечает следующим образом: Божия Мать родилась без первородного греха не Сама по Себе, так как это невозможно, но силой искупительных заслуг Спасителя, Который будет после Нее. Но тогда возникает другой вопрос. Почему этой силой искупительных заслуг Спасителя, Который придет после, и другим не родиться бы без первородного греха? Почему искупительные заслуги Христа искусственно ограничиваются лишь одним человеком?

Католики приводят и другой аргумент: Иисус не мог родиться от женщины, причастной ко греху. Но могла ли тогда родиться безгрешная Мария от женщины, причастной ко греху, каковой была Анна? Не требует ли логика католиков подобного же отношения уже и к матери Марии?..

Далее. Если Богородица была свободна от первородного греха, Она вообще отрывается от рода человеческого. Тогда Она не принадлежит к нашему роду, идущему от согрешивших Адама и Евы. И Православная Церковь не видит уничтожения Божией Матери в том, что Она – Такая же, как и мы, что Богом избрана Одна из нас для того, чтобы от Нее воплотился Господь. Как сказано в Евангелии, Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим (Лк. 1: 35).

То есть Господь освящает Ее для того, чтобы в Ней родиться. Это принимается нашим православным сознанием. Ведь и мы для того, чтобы совершать какие-либо священнодействия, берем в руки обычный предмет, освящаем его и уже после этого приступаем к Таинствам. Так и Господь действительно Ее освящает, но освящение в данном случае означает «посвящение», а не безгрешность. Так считает Православная Церковь.

Если следовать логике о Непорочном Зачатии, о непричастности Богородицы к первородному греху, то нуждается ли Она в этом случае в искупительной миссии Христа? Мария Сама говорит: ...возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем (Лк. 1: 47). На это обычно отвечают, что как раз будущими заслугами Спасителя Она и была тогда

искуплена и спасена. Но это уже какая-то игра богословской мысли, а не богомыслие.

Смерть – это возмездие за грех. Бог не сотворил смерть. Она – результат греха [72 - Помимо поврежденного состояния души, следствием грехопадения Адама и Евы стали болезни и смерть. Эти следствия будут преодолены во втором пришествии Христовом, когда состоится всеобщее воскресение мертвых. Тогда вместе с бессмертной душой обретут бессмертие и наши тела, и таким образом реализуется Божественный замысел о человеке: вечная радость спасенного человечества, пребывающего в любви и единстве друг с другом и со своим Отцом.]. Если Мария не была причастна ко греху, то может ли Она быть причастной к смерти – уделу грешников? Иисус умер, взяв на Себя наш грех. Если же Мария ко греху непричастна и наш грех на Себя не брала, каково Ее отношение к смерти? И что тогда есть Успение?

Здесь одно звено цепи неизбежно влечет за собой другое. Поэтому уже в середине двадцатого столетия, развивая мариологический догмат, Католическая Церковь была вынуждена заявить, что Мария не умирала. Смерть как бы только коснулась Ее своим крылом. Само это событие стали называть не Успением, а Вознесением Марии. Римский Папа возгласил этот догмат *ex cathedra* [73 - По учению католичества Римский Папа обладает непогрешимостью мнения в вопросах веры и морали, если он официально, с кафедры (*ex cathedra*), высказал решение по тому или иному вопросу.]. Православная же Церковь говорит именно об Успении Девы Марии. С одной стороны, мы не отрицаем тот факт, что Мария взята на небо телесно. Нет мощей Богородицы, которым мы могли бы поклониться. В Иерусалиме есть пустая гробница, в которую когда-то была положена Божия Матерь, но тела Ее в ней нет. Мы готовы верить в то, что Господь взял Ее на Небеса, но не станем называть это событие «вознесением». Никто этого не видел, нигде об этом не сказано, и праздника «вознесения» Богородицы в Православной Церкви не существует. Успение Божией Матери было реальной физической смертью, о чем невозможно было бы говорить в случае, если бы Мария была безгрешной.

В Католической Церкви получило распространение и такое мнение, что Мария была безгрешной, но смерть Ее все-таки коснулась. Отсюда делается вывод, что эта смерть носит искупительный характер. Когда дело дошло до таких утверждений, Римский Папа запретил дальнейшее развитие мариологического догмата. Но разве можно запретить развитие? Появилось учение о Марии как о Соискупительнице: ...и Тебе Самой оружие пройдет душу... (Лк. 2: 35). Страдания Марии приобретают искупительный характер, соискупительный со страданиями Христа.

В этих утверждениях присутствует элемент разрушения христианской веры в самой ее основе. После этого называться собственно христианами нам уже трудно. С появлением «соискупительства» мы, фактически оставаясь христианами, становимся мариинистами. В Риме функционирует целый мариологический институт, занимающийся изучением этой проблематики. Бог Отец и Христос остались где-то в тени. Не отменены, не забыты, но отодвинуты на задний план. На первом месте пребывает Мария.

Возникает вопрос: а откуда вообще взялось это учение? Любопытно, что зародилось оно вовсе не в Католической Церкви, а в Церкви Православной, на Афоне, причем уже после раскола с католиками. Неумеренное, неумное почитание Божией Матери у нас, на Востоке, имело место всегда. Возникнув в Греции, это учение проникло на Запад, где поначалу было встречено в штыки. Великий католический святой Бернард Клервоский [74 - Бернард Клервоский (1091–1153) – французский католический богослов-мистик и авторитетнейший общественный деятель своей эпохи. Основатель и аббат монастыря

Клерво.], кстати, вдохновитель и организатор Первого Крестового похода, человек, к которому за благословением обращались Римские Папы, очень резко возражал и противился этому учению. Что же произошло потом? Восток, поделившись этим учением с Западом, через какое-то время от него освободился, на Западе же оно получило дальнейшее развитие. Дело дошло даже до своего рода референдума, когда опрашивался церковный народ.

Отсюда видно, что границы распространения всякого рода ересей не всегда совпадают с рубежами юрисдикционными. Не по Московскому Патриархату и не по Римской курии – они проходят по нашим душам, умам и сердцам.

Некоторые ереси, наоборот, возникали в Европе, которая их благополучно преодолела, мы же до сих пор им подвержены. Например, еще не так давно крещение обливанием мы кляли как католическую ересь, а теперь оно нам полюбилось.

С Запада это учение о Непорочном Зачатии Девы Марии вновь пришло к нам. Его принимал, например, святой Димитрий Ростовский – тот самый составитель житий святых в двенадцати томах. Но Россия, всегда относившаяся к Западу и к католицизму если и не враждебно, то с подозрением, в основном устояла, несмотря на нашу очевидную склонность к таким вещам.

В Восточной Церкви существует несколько иное учение, обоснования которому нет нигде. Однако некоторые святые отцы, например старец Силуан Афонский, утверждали, что, хотя Божия Матерь по рождению и причастна к первородному греху, у Нее не было греха произвольного. Я слышал, что и некоторые священники говорят об этом в своих проповедях. При этом остается загадкой, каким образом первородный грех не повлек за собой грехов произвольных? Это опять похоже на какое-то богословское мудрствование.

Святой Иоанн Златоуст толкует одиннадцатую главу Евангелия от Матфея, текст, повествующий о том, как Мария с братьями Иисуса приходят к месту Его проповеди. Об этом говорят Спасителю. Господь отвечает, что тот брат и сестра Его, кто исполняет волю Отца Небесного. Была ли среди исполняющих волю Отца Небесного Мария? Конечно же, была. Но в тот момент Она делала нечто из того, чего делать не следовало. И Господь Ее не послушал, в отличие от эпизода, связанного с Каной Галилейской, когда Он прислушался к Ее словам. А здесь Она позвала Сына, а Он не пошел.

Толкование Иоанном Златоустом этого текста неприятно режет наш слух. Он говорит, что ничего, кроме тщеславия, Ею тогда не двигало. Иоанн Златоуст жил в период, предшествующий III Вселенскому Собору. В те времена такое высказывание еще можно было себе позволить. После Собора подобных изречений мы уже не встретим.

Иоанн видит в этом эпизоде человеческий порыв и ревность. Она требует, чтобы Иисус прекратил Свою проповедь. Мысль Златоуста не унижает Божию Матерь, но лишь делает Ее нам ближе. Ведь родившей Иисуса Марии были присущи и обычные материнские чувства. Это ярко отражается в западной религиозной живописи, в ее многочисленных Мадоннах. Все они посвящены прежде всего материнству и Ее красоте.

В этом западным Мадоннам не откажешь. Но есть ли там Богородица? Идет ли речь о Богоматеринстве? Во Владимирской иконе Божией Матери это есть, а там – нет...

Случай с Матерью и братьями Иисуса, зовущими Его, был не единственным. Двенадцатилетний Иисус отстал от шествия, и Иосиф с Марией искали Его в течение трех дней. Наконец они нашли Его в Иерусалимском Храме и стали укорять [75 - См.: Лк. 2: 41–49.]. Господь же ответил, что Ему надлежит быть в доме Отца Своего, т. е. постепенно, нежно, но настойчиво и неуклонно возводит Ее сознание от материнского к Бого-

материнскому.

Когда Иисуса ведут на Голгофу, женщины сопровождают Его и плачут. О чем же говорит им Спаситель? Он возводит их естественное человеческое сочувствие к совершенно иному состоянию, убеждая дочерей Иерусалимских:

Не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших (Лк. 23: 28).

Глядя на живописные изображения Христа, идущего на Крест, мы тоже испытываем готовность сопереживать Его страданиям, а когда стоим у Распятия, у нас возникает мысль: «Боже, милостив буди мне, грешному!» И плачем мы о себе и о детях наших и каемся в своих прегрешениях.

Мы говорим теперь не о Страстях Христовых, а о Божественных Страстях Христовых. К этому приводит Христа Его восхождение. И путь Богородицы – путь от материнства к Богоматеринству. Она тоже идет, Ей нелегко, Она где-то спотыкается, но продолжает идти дальше, пока не обретет полноты Богоматеринства и тем более полноты Небесной Славы. Поэтому учение об отсутствии произвольного греха, по моему мнению, является каким-то схоластическим утверждением, странным и едва ли нужным нам. Здесь наш разум забрел в такие дебри, куда заходить вовсе не следовало бы. Она – простая Женщина, Избранная Богом для великого и сверхнепростого служения. Через Нее Господь явился в этот мир.

Богородица в иконографии

Поговорим об иконографии Божией Матери. Многие уверены в том, что первые изображения Богородицы принадлежат кисти апостола и евангелиста Луки. Известно, что он написал образ Божией Матери на доске, служившей Святому Семейству столешницей. Причем апостолу приписывается авторство весьма внушительного списка икон с изображением Девы Марии в России показывают десять таких образов, на Западе (включая Афон) – двадцать один, причем только в Риме – восемь! в нашей стране из икон, якобы написанных евангелистом, наиболее известны Владимирская и Смоленская. Но действительно ли Луке принадлежит авторство всего этого богатейшего иконографического наследия?

Раннехристианская письменность вообще не упоминает о том, что евангелист Лука писал иконы Божией Матери. Об этом нет ни единого свидетельства вплоть до V века. Ни у мужей апостольских, учеников апостолов, ни у самого апостола Луки, который написал две новозаветные книги – Евангелие и Деяния апостольские, ни у апологетов, таких, как Иустин Философ или Иринеи Лионский, ни у такого всеобъемлющего автора, как Ориген, труды которого, правда, в основном были уничтожены. Никто из великих столпов Православия IV столетия, золотого века патристики, об этом не говорит – ни Василий Великий, ни Григорий Богослов, ни Иоанн Златоуст, ни Блаженный Августин.

Первое свидетельство относится лишь к VI веку. Его авторство приписывается Федору Чтецу – историку времен византийского императора Юстиниана I [76 - Св. Юстиниан Великий (482–565) – один из самых выдающихся византийских императоров, инициатор и проводник кодификации римского права. Автор идеи симфонии власти императора и патриарха. В его правление была отвоевана Италия у вестготов и отстроен

величественный храм Святой Софии в Константинополе.]. Федор Чтец писал, что византийская императрица Евдокия [77 - Императрица Евдокия(401–460) – провела последние годы жизни в Иерусалиме, где занималась широкой благотворительностью и устройством церквей. Покровительствовала монофизитам, но перед смертью принесла покаяние и была причислена Церковью к лику святых.], вдова византийского императора Феодосия Младшего (или Юнейшего) [78 - Феодосий II (401–450) – поддерживал патриарха Нестория, который был при нем назначен на Константинопольскую кафедру.], совершала паломничество в Палестину и была в Святом Городе Иерусалиме. Там, в Иерусалиме, она будто бы приобрела икону, написанную апостолом, и переправила ее в Константинополь, к своей сестре, императрице Пуль*ensored*ии – жене императора Маркиана. Это первое историческое свидетельство об образе, созданном евангелистом. За ним опять следует двухвековое молчание. Только в VIII столетии вновь появляется свидетельство о таких образах.

Святой Андрей Критский, принявший мученическую смерть около 740 года, свидетельствует о том, что апостол Лука собственноручно изобразил как Самого Воплотившегося Христа, так и Его Непорочную Матерь. Пишет он об этом в связи с иконоборческой ересью [79 - И к о н о б о р ч е с т в о – движение, возникшее в Византии в VIII в. Странники иконоборчества приравнивали иконопочитание к запрещенному идолопоклонству, ссылаясь на Священное Писание: «...не сотвори себе кумира и никакого изображения... не поклоняйся им и не служи им» (Исх. 20: 4–5)]. Это движение санкционировалось императорами и изначально носило скорее политический характер, чем догматический. Иконоборцами отрицалось также и монашество, как ненужное и вредное. Надо заметить, что монашествующих в империи было достаточно много, чтобы весомо пополнить ряды военнообязанных, что, конечно, в те беспокойные годы для императоров было задачей насущной. Конечно, для большинства здравомыслящих христиан очевидно, что поклонение воздается не иконе как идолу, т. е. не доске и не краске, а Богу, изображенному на ней. Через образ мы восходим к Первообразу. А изобразить Христа мы можем в силу того, что Он стал Реальным Человеком, и Человечество Его пребывает нераздельно с Божеством. И, воздавая почести иконам святых, мы также восходим к Богу, с Которым святые соединились и благодатью Которого они совершали свои труды и подвиги. Ересь иконоборчества была осуждена VII Вселенским Собором в 787 г. Этот Собор осудил не только иконоборчество, но и перекося в иконопочитании, имевшие место и послужившие формальным поводом для начала этой смуты.], уже полыхавшей в то время в полную силу. Эти нестроения длились в Церкви примерно сто лет – в VIII–IX веках. Прийти к единому мнению не удавалось долго, вопрос этот обсуждался на самом высоком уровне, проходили Соборы, как утверждавшие почитание икон, так и отвергавшие такую духовную практику. И вот святой Андрей Критский, включившийся в этот спор (он был иконопочитателем, т. е. придерживался учения о почитании икон), указывает, что апостол Лука собственноручно изобразил как Христа, так и Матерь Христову, что является одним из аргументов в пользу почитания икон.

В том же VIII веке анонимный автор достаточно известного «Слова об иконах Константину Копрониму [80 - Константин Копроним (718–775) – византийский император, талантливый полководец. В политике иконоборчества отличался особой жесткостью. В его правление империей было казнено много иконопочитателей и монашествующих, а также уничтожено огромное количество фресок и икон.]]» также

указывает на то, что апостол Лука писал иконы Богородицы, причем привносит в свой рассказ одну небезынтересную деталь. Как известно, и Евангелие, и Деяния апостольские Лука писал «адресно» – для некоего «державного Феофила» [81 - См.: Лк. 1: 1–4; Деян. 1: 1–3.]. И вот автор «Слова» утверждает, что и икону апостол написал для того же самого «державного Феофила», скорее всего жившего в Сирии, в Великой Антиохии.

Примерно в то же время Патриарх Константинопольский Герман [82 - Свт. Герман (ок. 645–740) занимал патриарший престол с 715 по 730 г. За твердый отказ следовать политике иконоборчества был отстранен от патриаршества императором Львом Исавром, после чего император нашел послушного кандидата Анастасия и сделал его патриархом. Анастасий издал послание в пользу иконоборцев, послужившее официальной санкцией для дальнейшего разгорания смуты.], увещевая императора-иконоборца Льва Исаврянина [83 - Лев III Исавр (ок. 680–741) – византийский император, талантливый политик и полководец, отец Константина Копронима. Именно он положил начало иконоборчеству.], приводит в качестве аргументов три исторические ссылки. Сначала он указывает на статую Иисуса Христа, воздвигнутую в Финикии той самой кровоточивой женщиной, которая двенадцать лет страдала и, прикоснувшись к ризе Христа, исцелилась. Существуют древние свидетельства об этой статуе; в начале IV века о ней пишет историк Евсевий Памфил [84 - Евсевий Кесарийский Памфил (260–339) – историк, христианский мыслитель и епископ.] – а это свидетельство достоверное и однозначное. После этого патриарх Герман указывает на Неруко творный Лик Христа на полотне, который в то время находился в городе Эдессе, и на образ Божией Матери, написанный евангелистом Лукой.

Начиная с этого времени свидетельства о том, что евангелист Лука писал иконы, множатся. Можно указать хотя бы на знаменитый труд византийского историка Никифора Каллиста [85 - Никифор Каллист (+ 1350) – монах константинопольского Софийского монастыря. Оставил обширные исторические труды, а также написал ряд богослужебных текстов и последований.], на который часто ссылается святитель Димитрий Ростовский в «Житиях святых». Причем, как обычно и происходит, чем больше времени отделяет источник от описываемого им исторического события, тем больше подробностей и деталей мы в нем находим.

Ничего удивительного в том, что перед богословами и искусствоведами рано или поздно встал вопрос о достоверности этих рассказов. Некоторые ученые-рационалисты утверждают, что Предание, согласно которому апостол Лука писал образы Божией Матери, не имеет под собой никакого основания, и в подтверждение своей позиции приводят следующие аргументы.

Во-первых, не существует достоверных свидетельств на этот счет, относящихся к I–IV векам. Во-вторых, VII Вселенский Собор, созванный в 787 году, утверждая догмат об иконопочитании, ни разу не упоминает об иконах Божией Матери, написанных евангелистом Лукой. Хотя в это же самое время отдельные авторы, например святой Андрей Критский, Герман Константинопольский и другие, уже сообщают о таких образах. Но это лишь мнение отдельных христиан, Собор же на них не сослался, даже несмотря на то, что такая ссылка способствовала бы утверждению иконопочитания.

Предлагается и третий аргумент, основывающийся на личности апостола Луки. Как, исходя из достаточно древних свидетельств, указывается в церковном календаре, святой евангелист Лука входил в число семидесяти апостолов [86 - Господь избрал из Своих последователей семьдесят апостолов (Лк.10: 1–2). Их имена в Евангелии не называются. В

богослужебной традиции в день празднования семидесяти апостолов значатся их имена. Этот список был составлен в V–VI вв. Список носит символический характер, туда вошли все известные имена последователей и учеников Христа, апостолов и мужей апостольских. Таким образом, в этот день Церковь вспоминает не только семьдесят апостолов, но и все первое христианское поколение.].

Все они были иудеями, а, как известно, среди иудеев художников не могло быть по определению. В древнем Израиле никто никого не изображал. Как же при этом Лука смог стать художником?

Наконец, приведем аргумент искусствоведов. Если мы посмотрим на Владимирскую или Смоленскую икону Божией Матери, которые среди прочих также приписываются кисти евангелиста Луки, то неизбежно возникает вопрос: мог ли апостол Лука так писать образа? Ведь перед нами – иконы, явно относящиеся к поздневизантийскому периоду, приблизительно к XI, в крайнем случае – к X веку. Раньше этого времени такие иконы появиться просто не могли, тем более что до нас дошли более древние изображения, дающие нам возможность для сравнения. В первые века христианства ничего подобного создано не было. Это так же невозможно, как приписывать икону Живоначальной Троицы Андрея Рублева тому же евангелисту Луке. Для создания этих шедевров потребовался долгий путь развития искусства вообще и иконографии в частности.

С другой стороны, богословы, историки и искусствоведы, которые все-таки утверждают, что евангелист Лука мог писать иконы Божией Матери, отвечают на эти аргументы следующим образом. Молчание первых четырех веков могло быть вызвано тем, что тогда икона евангелиста Луки не обладала общецерковной известностью, равно как и Нерукотворный Лик Спасителя. Ведь о нем тоже ничего не говорится у авторов доникейской эпохи, т. е. I–IV веков. Эти иконы не оказали существенного влияния на развитие раннехристианского изобразительного искусства и на раннехристианские священные изображения.

Молчание VII Вселенского Собора обусловлено противоположными причинами. В эпоху, когда эта икона находилась в Константинополе и о ней знали все, ссылаться на нее было бы бессмысленно, как бессмысленно ломиться в открытую дверь. Речь тогда шла вовсе не о том, существует эта икона или нет, а о том, насколько догматически верно вообще поклоняться иконе. Ведь иконоборцы не отрицали само право изображать, они отвергали иконопочитание и противостояли культовому использованию икон.

Что касается иудейства апостола Луки и того, что в силу этого он никак не мог быть художником, то на этот счет существуют достаточно древние возражения. Такие авторы, как Тертуллиан (III век), Блаженный Иероним (IV век), Блаженный Августин (V век), жившие до Федора Чтеца, утверждали, что евангелист Лука был не иудеем, а либо греком, либо сирийцем, т. е. человеком, обращенным в христианство из язычников.

Это мнение поддерживается и многими современными библеистами, при этом даже подвергается сомнению утверждение, что евангелист входил в число семидесяти апостолов. Ведь достоверно известно, что Лука был учеником апостола Павла, а едва ли кто-либо из семидесяти апостолов мог бы быть его учеником. Сам апостол Павел Христа не видел, обратившись позже, поэтому скорее кто-то из семидесяти апостолов мог бы наставлять в вере новообращенного Савла.

Кстати, перечень семидесяти апостолов, содержащийся в нашем церковном календаре, порой вызывает недоуменные вопросы. Например, среди них упоминается Дионисий Ареопагит. Но ведь он был обращен апостолом Павлом в Афинах на Ареопаге [87 - См.:

Деян. 17: 34.] и до того является не только греком, но и эллином до мозга костей! Похоже, перечень семидесяти апостолов весьма условен. В него зачислили всех учеников Первоверховного апостола, включая даже Тимофея [88 - Деян. 16: 1–3; 1 Тим. 12.], который был юн во времена проповедничества Павла. Каким же он был, когда проповедовал Иисус, и мог ли мальчишка, ребенок оказаться в числе семидесяти апостолов?

Сам Новый Завет имен семидесяти апостолов не содержит, и поэтому логичнее допустить, что Лука действительно был обращен из язычников, действительно был учеником апостола Павла и написал Евангелие и Деяния. Как апостол сам признается в предисловии к Евангелию и Деяниям, он пишет не как очевидец, а как человек, который собрал и исследовал весь этот материал.

Аргумент, приводимый искусствоведами, безусловно, заслуживает внимания. Действительно, тот образ Владимирской Божией Матери, который большинство из нас наверняка видели хотя бы в копиях, не мог быть написан евангелистом Лукой, в противном случае следовало бы вообще отрицать всякую историю искусств. Если сравнить его с иконами, которые создавались в то время, в том числе и с образами Богородицы, ничего общего мы не найдем. Поэтому почти все православные исследователи, признающие апостола Луку иконописцем, сходятся в том, что это конечно же позднейший список. К тому же и Федор Чтец говорит лишь об одной иконе, да и императрица Евдокия переправила из Иерусалима в Константинополь только один образ, а уже потом эти иконы чудесным образом многократно размножились...

Церковные исследователи и археологи утверждают, что ни одна из всех дошедших до нас икон, приписываемых евангелисту Луке, не сохранилась в первоначальном виде. Это позднейшее византийское (и, кстати, не только византийское) творчество, поскольку восьми образам, хранящимся в Риме, присущи характерные черты именно западной иконографии. Конечно, все эти иконы могли неоднократно переписываться и поновляться. Я думаю, мы имеем право, нисколько не погрешив против своей веры, согласиться с искусствоведами в том, что Владимирская икона должна датироваться приблизительно XI веком, причем написана она была именно в том виде, в каком и дошла до нас.

Люди старшего поколения помнят, как на вокзалах продавались бесчисленные «Медведи Шишкина», имевшие к знаменитому художнику весьма опосредованное отношение, но написанные по определенному образцу. И это мало кого смущало: достоверность ведь и не предполагалась. Некий римлянин Руфин, перелагая Оригена на латынь, писал: «То, что у Оригена написано кратко, я перевел подробнее; то, что у него слишком пространно, – я сократил; то, о чем он умолчал, я восполнил; то, о чем он написал неверно, я исправил». Такой вот честный переводчик, который, нисколько не смущаясь, без обиняков охарактеризовал свой метод работы. Богословы, цитирующие этот труд (поскольку оригинал Оригена до нас не дошел), так и пишут: «Ориген – Руфин». Нам теперь уже и не разобрать, кому какое утверждение принадлежит.

Схожий прием используется и в Библии. Мы читаем у апостола Павла: «...некто негде сказал» – и начинаем разыскивать первоисточник. В результате первую половину цитируемого текста находим у Захарии, а вторую – у Иеремии. Столь свободное обращение с текстом характерно как для Ветхого, так и для Нового Завета. Один пророк цитирует другого весьма вольно. Не было в те времена культуры точного, дословного

цитирования. Точно так же не предполагалась и культура точного воспроизведения образа. При этом вполне можно было подписаться именем автора, творчество которого бралось за образец. Это нечто противоположное современному плагиату, когда у какого-нибудь маститого мастера заимствуется идея и выдается за собственную.

Например, известны три книги Еноха [89 - Книги Еноха – апокрифические книги. Первая из трех книг Еноха – весьма значимый ветхозаветный апокриф, на который ссылается в своем послании апостол Иуда, брат Господень (Иуд.1: 5)]. Но как Енох мог писать до потопа, за тысячелетия до Моисея, вообще до появления письменности? Просто некий автор, живший в веках до Рождества Христова, подписался известным именем. Это придавало его труду особую значимость.

Иконописцы, бравшие за основу творчество евангелиста Луки, вполне могли что-то дополнить и «исправить»; добавить то, о чем апостол умолчал, убрать «лишнее» и приписать авторство Луке. Именно таким образом появились несколько десятков икон, приписываемых перу евангелиста, но, как сказал преподобный Серафим Саровский, «все, что Церковь облобызала, то мы и принимаем». Сочетая рациональную критику и сердечную, детскую веру, мы вполне можем считать апостола Луку первым иконописцем, изобразившим Божию Матерь, и при этом оставаться в согласии со строгим научным подходом.

«Мы не знаем лица Девы Марии, – писал Блаженный Августин, – от Которой безмужно, нетленно, чудесным образом родился Христос. Верим, что Господь Иисус Христос родился от Девы, имя Которой Мария. Но такое ли лицо было у Девы Марии, Которую представляем в уме? Когда мы говорим или вспоминаем об этом, мы совсем не знаем и не убеждены. Можно сказать, сохраняя веру, что, может быть, Она имела такое лицо, может быть, не такое».

А у Никифора Каллиста приводится точнейшее описание Божией Матери, которое перешло в наши «Жития святых» святого Димитрия Ростовского. Никифор Каллист пишет:

Она была роста среднего или, как иные говорят, несколько выше среднего, волоса – златовидные, глаза – быстрые, зрачками как бы цветом масляные, брови – дугообразные и умеренно черные, нос – продолговатый, губы – цветущие, исполненные сладких речей, лицо – не круглое и не острое, но несколько продолговатое, руки и пальцы – длинные.

Все эти детали впоследствии были в точности воспроизведены в византийской, а позже и в русской иконографии.

Самыми древними дошедшими до нас христианскими изображениями являются изображения катакомбные. Их можно увидеть на стенах погребальных пещер под Римом, где ранние христиане проводили свои богослужения. Встречаются и образы женщин. Вполне возможно, что среди них есть и изображения Девы Марии. Причем на некоторых начертано имя Мария, а на других – Мара. Известны и образы, на которых запечатлен младенец, хотя утверждать, что перед нами изображения Богородицы, мы не вправе. Возможно, это Елисавета с Иоанном Крестителем, возможно – Сарра с Исааком, а может быть, Анна с Самуилом.

Встречается образ стоящей и молящейся женщины с воздетыми руками, называющийся Оранта (от латинского слова «orans» – «молящаяся»). Другое изображение, любимое ранними христианами, – образ Доброго Пастыря, рядом с Которым стоит женщина. Так

как надписи нет, возникает вопрос: кто она? Возможно, Мария Магдалина, но более вероятно, что Дева Мария.

До нашего времени дошли донышки кувшинов того времени с женскими ликами. Археологи предполагают, что они также могли быть Богородичными.

Наиболее достоверно трактуются иллюстрации к евангельским сюжетам. Один из самых распространенных – поклонение волхвов. Рядом с ними, без сомнения, изображена Дева Мария. Сохранилась и греческая надпись «Μήτηρ Θεου» – «Матерь Божия».

До нашего времени сохранились две фрески. Одну из них можно увидеть в усыпальнице Прискиллы. На ней изображена сидящая женщина с младенцем. Рядом с ними стоит мужчина. Тип письма все еще остается античным – это еще не собственно христианская живопись, живописью это не назовешь. Археологи высказывают различные гипотезы по поводу того, кем мог быть изображенный мужчина. Возможно, это Иосиф, не исключено, что один из волхвов, а некоторые видят в нем пророка Исаию, сказавшего:

Се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил, что значит: с нами Бог (Мф. 1: 23).

Эта фреска датируется II веком. Другое изображение находится в усыпальнице святой Агнессы. Здесь Божия Матерь изображена с молитвенно простертыми руками – Оранта. Позже этот образ перешел в Византию и лег в основу иконы Знамения Божией Матери. Интересно, что уже в то время появляются образы Богоматери без Младенца. Она представляется не только как Дева, родившая Христа, но и как Молитвенница за род христианский.

Усыпальница святой Агнессы относится уже к иной эпохе, к эпохе Константина Великого. Здесь чувствуется византийский стиль. Позже, в IV веке, появляются изображения, трактующие самые разные евангельские сюжеты. Божия Матерь на них уже вполне идентифицируется. Так начинается собственно Богородичная иконография.

Существует три типа икон Божией Матери, причем, согласно Преданию, сам апостол Лука заложил их основы.

Оранта – это, как правило, образы, на которых Дева Мария изображена в полный рост и изначально пребывает в одиночестве. Лишь позже возникает изображение Предвечного Младенца на месте утробы Материнской.

Второй образ – Умиление, по-гречески Елеуса (Ελεουσα). Ярчайший образец этого типа – Владимирская икона Божией Матери. Здесь Младенец прильнул к щеке Девы Марии, ликом и ручонками устремлен к Матери, а Мать всем Своим существом устремлена к Младенцу. Это – тайна Божественного Воплощения, тайна любви, которую воспел Амвросий Медиоланский [90 - Свт. Амвросий (340–397) – епископ Медиоланский, богослов, проповедник и автор ряда богослужебных текстов.] текстами Песни Песней Соломоновой, где жених – это образ Христа, а Суламифь – образ Пречистой Девы.

Третий образ – это Одигитрия (Οδηγήτρια), что в переводе на русский язык означает «Путеводительница». Здесь Младенец тоже покоится на руках у Матери, но и Дева Мария, и Спаситель встречаются с нами взглядами. Наиболее распространенная икона этого типа – образ Казанской Божией Матери. Богородица смотрит на нас и указывает нам на Христа, Который говорит о Себе: Я есмь путь и истина и жизнь (Ин. 14: 6). Образ Младенца несколько «недетский», но и «взрослым» назвать его трудно. Скорее, он вечен.

Святая Дева тоже выглядит старше Своих лет, ведь, согласно Преданию, Она родила

Иисуса примерно в пятнадцать лет. Это вполне соответствует традициям южных народов, у которых браки заключались намного раньше, нежели у северян. Юноши там женились в четырнадцать-пятнадцать лет, а девушки выходили замуж в десять-одиннадцать. А на иконах (например, Смоленской Божией Матери) Богородица приобретает некоторую «суровость», становясь намного взрослее. Это уже богословское осмысление. Иконописец ставит перед собой задачу не показать цветущую пятнадцатилетнюю девушку, ставшую матерью, а изобразить Матерь Божию. Практически все многочисленные иконы Божией Матери, которых насчитывается около семисот, так или иначе относятся к одному из этих трех типов: Оранта, Елеуса и Одигитрия – Молящаяся, Умиление и Путеводительница.

Иконопочитание и иконография

Я не стану рассказывать обо всех иконах. Книги о Смоленской, Почаевской, Тихвинской, Владимирской, Казанской иконах Божией Матери известны и широко распространены.

Иконография должна обязательно иметь богословское значение. Западные Мадонны, которых нам подарила эпоха Возрождения, абсолютно далеки от какого-либо богословия. Эти порой умиленные, великолепные художественные шедевры не имеют никакого отношения к иконе. Это – восторженный гимн материнству, но не Богоматеринству, там нет ни Богомладенца, ни Богоматери, а есть лишь мать и ребенок.

Образа такого типа пришли в Россию через Малороссию, через тот же Почаев и, кстати, многим полюбились. Наши верующие люди хотят, чтобы икона была «как живая», но это не православный и не богословский подход к иконе.

Подлинная икона не должна прельщать нас красотой материнства, тем более женской красотой, она не должна удовлетворять наше любопытство в изучении древних одеяний. Картинки, помещаемые в детских Библиях, тоже бывают очень хороши и полезны для постижения основ Священного Писания, особенно в нежном возрасте. Нередко и взрослые с удовольствием рассматривают их, но это не имеет ни малейшего отношения к богослужебной иконе. Культуру восприятия священных образов мы начали терять в XVII веке и окончательно утратили в XVIII столетии. Сейчас наши храмы наводнены изображениями не богослужебными, не богословскими, а теми, которые собственно иконами никоим образом считаться не могут. Храм должен содержать каноническую икону. Любопытно, что даже большинство священников и многие епископы предпочитают именно эти живописные изображения, то есть, по сути, развлечения от молитвы и богословия.

Икона – достояние и плод церковного и молитвенного опыта и должна основываться на принципах плоскостного изображения и обратной перспективы, иконографической диспропорциональности, условности и символизма [91 - Еще один важный аспект – дидактический, т. е. в иконе не должно быть никакой вымышленной аллегоричности. Например, изображение Бога Отца, Которого никто никогда не видел (Ин. 1: 18), в образе старца с седой бородой является отступлением от соборного разума Церкви и богословия иконы.]. То есть икона должна нас вести в Царство Божие, а не создавать иллюзию нашей сопричастности жизни Спасителя или Божией Матери. Это очень важно. Икона должна возбуждать не чувственность, а молитвенный дух. Чувственная же икона может приводить к состоянию духовной прелести, когда человек свои эмоциональные, душевные

переживания начинает отождествлять с Божественной благодатью, а иногда и с Божественными откровениями. Это, конечно же, в корне неверно.

Часто на православных иконах Божия Матерь изображается с тремя восьмиконечными звездочками на челе и плечах, означающими ее приснодевство. Звездочка, помещенная на челе, означает, что Она была Девой до Рождества, на правом плече – в Рождестве и на левом – после Рождества Христова. Это – один из богородичных иконографических символов.

Изображения Богородицы подразделяются на сотни иконографических разновидностей: это и «Всех скорбящих Радость», и «Млекопитательница», и «В родах Помощница», и «Умиление», и «Знамение», и «Взыскание погибших», и «Умягчение злых сердец»... Каждое из этих наименований отмечено поэзией и богословской глубиной, раскрывая различные стороны духовного присутствия Божией Матери в Церкви. Поэтому мы с благодарностью приемлем все многообразие Богородичной иконографии.

Вопрос о чудотворных иконах Божией Матери очень серьезен и важен.

Вообще-то говоря, икона по своему предназначению не призвана творить чудеса. Догмат иконопочитания, принятый на VII Вселенском Соборе, звучит примерно так: честь, которая воздается образу, переходит к Первообразу; зрим образ, а прозреваем Первообраз. Отец Павел Флоренский [92 - Павел Флоренский (1882–1937) – выдающийся философ и ученый. Разделил участь большинства православных священнослужителей в период большевистских гонений. В 1933 г. был арестован и отправлен в Соловецкий лагерь. Через четыре года после ареста был расстрелян по приговору особой тройки НКВД.] в своих трудах много писал об иконах, у него есть замечательная работа «Иконостас». Он пишет о том, что «икона – окно в невидимый мир». Именно эта функция и является основным назначением иконы. Но так уж устроен человек, что это главное предназначение на религиозно-бытовом уровне отошло куда-то в тень и для очень многих почти не имеет значения. При этом образ начинает восприниматься как своего рода амулет, как талисман, как нечто, производящее чудо. Становится несущественным, каноническая это икона или нет, виден ли лик или он стерт. Наоборот, в этом случае интерес лишь усиливается: старую икону человек любит еще больше, хотя никакое взирание на образ уже невозможно. То, что установил VII Вселенский Собор в отношении иконопочитания, уже нереализуемо, да верующему это и не важно, потому что не для этого ему нужна икона. Главное для него – не молитвенно созерцать икону, а приложиться к ней. Мы часто наблюдаем это в наших храмах. Человек подходит, осеняет себя крестным знаменем, прикладывается к образу и отходит, даже не удосужившись посмотреть, что за икона лежит на аналое. Случалось, я прихожу в храм, дьякон и пономарь уже находятся в алтаре, а положенная икона не соответствует празднику.

Спрашиваю у них:

- Вы у аналая были?
- Были.
- Прикладывались?
- Прикладывались.
- А к чему именно вы приложились?

А кому это интересно? Действие произведено, а суть оказалась вне поля зрения. Можно на Пасху положить икону святителя Николая Чудотворца, и этого не заметят...

На икону надо взирать. Это взирание уже есть нечто литургическое, богослужбное, само взирание – уже некое священнодействие. Икона пишется для того, чтобы на нее

смотреть, аромат существует для того, чтобы его вдыхать, слово произносится для того, чтобы ему внимать. Все имеет свое назначение. То же самое относится и к Евангелию: для прихожанина главное – к нему приложиться, нужно, чтобы Евангелие на голову возложили, а что при этом во время молебна читали, по сути, не имеет никакого значения. И если батюшка прочитает совсем другой отрывок из Нового Завета или из Ветхого Завета паремию, этого никто даже и не заметит. Конечно, в каждом из нас сидит язычник, и как его из себя вытравить?..

Хотелось бы достичь более просвещенного отношения к иконе. Ведь именно неразумное отношение порождало и порождает иконоборчество. Древние приверженцы ересей потому и боролись с иконами, что люди соскабливали порой краску с икон и добавляли ее в тесто для просфоры – хлеба, на котором будут служить Евхаристию. Нечто подобное происходит и в наше время, и протестантское отрицание икон возникло не на пустом месте.

А все-таки чудотворные иконы есть! Хотя в этой связи не помешало бы вспомнить о Петре Великом. Однажды он отдал распоряжение, чтобы иконы больше не чудотворили, чтобы они впредь не плакали и не мироточили, а если вдруг у какого-то батюшки икона все-таки вновь заплачет, то такого батюшку надлежит сечь. Тут же резко сократилось количество чудотворений, совершавшихся у икон. Несмотря на присущий Петру цинизм, безбожником он все-таки не был и, кстати, во всех дореволюционных требниках поминался как «благочестивейший Государь Император».

И сегодня нередко можно услышать: «Батюшка, сегодня была у иконы. Там такое свечение, такой аромат!» Это экзальтированное желание чуда, которому всегда противостоял самый великий Чудотворец, Иисус Христос, – явление не очень здоровое. Когда от Христа ждали чуда, Он его не совершал. В отличие от факиров, Он никогда не развлекал людей чудесами. Вообще стоит обратить внимание на то, какие именно чудеса происходили через Христа, через пророков, через апостолов и святых:

Слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют (Мф. 11: 5).

Иисус же не сказал, что что-то мироточит, что-то сияет, что-то обновляется.

Настоящее чудо – всегда реально. Оно всегда направлено на спасение человека, вводит человека в Царство Божие. Один священник подвел меня к стене храма, которая у него мироточит, и показал капельки, отмеченные им крестиками. Даже не знаю, что и сказать. Капельки я действительно видел, но какова их природа, не знаю. Возможны проявления самых различных химических процессов. Но разве вследствие этого хоть один слепец прозрел? Хоть один хромой оставил костыли в храме? Порой вера принимает весьма причудливые формы. А апостол Павел говорит:

Вера от слышания, а слышание от Слова Божия» (Рим. 10: 17).

Словом Божиим должна укрепляться наша вера, а не капельками на стене! Конечно же, существуют и заслуживающие доверия свидетельства о чудотворных иконах. Есть иконы плачущие, мироточивые, обновляющиеся и даже кровоточивые, как, например, Иверская икона Божией Матери. Жаль при этом, к таким явлениям налипает много наносного. Когда в трубах скапливается ил, мешая потоку воды, их приходится чистить. Так и на

подлинных знамениях Божиих, которые действительно бывают, столько всего наслаивается, что время от времени следует заниматься «чисткой» собственной духовной жизни.

Существует немало очень странных описаний чудотворных икон, в которых нет ничего созвучного с Евангелием и полезного для души. Вместе с тем Господь являет и подлинные чудеса и знамения: плачет Божия Мать – значит, есть о чем плакать, плачь и ты вместе с Нею; мироточит – значит, нам дополнительно дается благодать Святого Духа через Богородицу; крово-точение означает страдание, скорбь: «оружие пройдет Тебе душу», – сказал Симеон Богоприимец. Такое бывает в эпохи нестроений внутри Церкви или жестоких гонений на нее.

В городе Казачинске есть плачущая икона Божией Матери. Всякий раз, когда к ней подходишь, испытываешь потрясение, как будто видишь плачущую мать. Вообще, если икона плачет, стоит задуматься: почему это происходит?

Обновления икон тоже, конечно, случаются. Через них в нашем мире проявляется Божественное присутствие: Бог не бросил Землю во Вселенной, где теперь она бессмысленно кружится, несется в мировых пространствах. Нет, Господь являет нам Свое присутствие в мире. Так что мы не вовсе отвергаем существование чудотворных икон. Это – Божественное проявление, но мы должны сохранять внутреннее духовное трезвение и не терять голову. Внутреннее трезвение преподобный Антоний Великий назвал самой главной из всех добродетелей. И действительно, о чем говорить с пьяным? Лишь после того, когда он протрезвеет, может начаться какой-то разговор. Так и в духовной жизни. Если человек духовно не трезв, о каких делах может идти речь? Кстати, настоящая икона производит это отрезвляющее воздействие, она нас трезвит, возвращая к себе самим, подобно блудному сыну, который «пришел в себя» [93 - См.: Лк. 15: 11–31.]. А вот чувственные иконы подчас немножко пьянят, и как раз это некоторым и нравится. Тут дух уже усыпляется, и пробуждаются совсем другие силы.

Стоит поговорить и об украшении образов. Люди от чистого сердца воздают честь иконе, но порой украшений становится так много, что за ними и самого образа уже не разглядеть. Это бывает и в простой крестьянской избе, и у великих икон. Великие князья и императоры тоже жертвовали на оклады и украшения. Как к этому относиться? Апостол Павел говорит:

Кто различает дни, для Господа различает; и кто не различает дней, для Господа не различает. Кто ест, для Господа ест, ибо благодарит Бога; и кто не ест, для Господа не ест, и благодарит Бога (Рим. 14: 6).

Это, наверное, справедливо и в отношении икон: тот, кто их украшает, для Господа украшает, тот, кто не украшает, для Господа не украшает. Я, пожалуй, отношусь к тем, которые для Господа не украшают, однако не хочу осуждать тех, которые для Господа украшают.

Я очень люблю икону, я – иконопочитатель, но для меня в иконе важен прежде всего образ, который вводит меня в духовный мир. А все эти украшения – не для меня, хотя другие относятся к этому иначе.

Некоторое время у нас в храме служил один священник с Украины, который искренне поражался простотой наших служб. Например, молебен, совершаемый при освящении иконы, действительно длится недолго – около десяти минут. Он рассказал, как у них

освящают иконы.

После молебна происходит первое прикладывание к иконе духовенства, потом прикладываются все прихожане, после этого с иконой ходят по храму, вносят ее в алтарь, затем обносят ее вокруг храма и начинается хождение по всему селу. Ее вносят в каждый дом, и все действие заканчивается поздним вечером. Как он мучился здесь, так я, наверное, мучился бы там.

Стремление к благообразию понятно. Не случайно во время литургии совершаются молитвы о «любящих благолепие храма Твоего» [94 - Заамвонная молитва, произносится священником после принятия народом Святых Даров в окончание Божественной литургии.]. Но кивоты и оклады призваны приблизить к нам образ, сделать его более доступным, а не затмить его, так же как и в светской живописи багет никогда не должен подавить картину.

Что делать с теми храмами, которые расписаны на западный манер, как, например, храм Смоленской иконы Божией Матери в Троице-Сергиевой Лавре? Есть среди нас такие ревнители, которые считают, что все это следует убрать и заменить каноническими иконами. Я бы так поступать не стал. Я и сам служу в храме, иконы которого были созданы в XVIII–XIX столетиях, и мы любим эти образа. Хотя, конечно, если подходить к ним иконографически, богословски и даже искусствоведчески, то, конечно же, эти иконы далеки от канонической традиции. Но это – храм-памятник, в том числе и памятник своей эпохе. Новые храмы можно расписывать как душа желает, но кто поднимет руку на то, что создали наши предки, кто отвернется от мест, где они молились, страдали и где, кстати, происходили чудеса Божии?

Чудеса действительно происходят. Но иногда, даже читая святителя Димитрия Ростовского, не знаешь, что и сказать. У меня нет аргументов, чтобы заявить о том, что дело обстояло не так, но и представить, что все именно так и было, тоже очень сложно, потому что некоторые повествования трудно отличить от сказок. Был реальный Илья Муромец. Но я же не обязан считать исторической правдой то, о чем мы читаем в былинах?

У Лескова есть рассказ на эту тему, а уж Лесков-то церковную жизнь знал! Один мужик украл икону, полицейские его нашли и спрашивают: «Каким образом храмовая икона оказалась у тебя дома?» А он: «Это чудо Божие! Я и сам не знаю, как это произошло». Полиция запрашивает консисторию: «Может ли быть, чтобы икона чудесным образом оказалась в избе у мужика»? Представьте теперь, какую резолюцию должен наложить архиерей? «Не может»? Значит, он неверующий! «Может»? Но ведь это может понравиться, а в таком случае чудеса могут и участиться...

Богородица в истории Церкви

Божия Матерь вошла в историю Церкви, вошла очень емко, ярко, в полноте. Кого любят больше, чем Божию Матерь? я не говорю о Боге, я говорю о Церкви. Божия Матерь – не Бог, Она – член Церкви, в принципе такой же, как и мы. Только роль Ее конечно же не такая, как у нас, а действительно, какова Ее роль в Церкви?

Всегда указывают на Кану Галилейскую, где был брак и где Матерь Господа идет к

Иисусу и просит Его, даже не просит, а просто сообщает о том, что на столе не хватает вина и свадебный пир может омрачиться [95 - См.: Ин. 2: 1–10.]. Это событие в нашем православном сознании воспринимается как указание на предстательство Божией Матери, т. е. Она ходатайствует за людей, Ей есть до нас дело.

Рассказывают, что один подвижник был восхищен в видении на небо. Он видит праведников, видит святых угодников Божиих, видит Ангелов и Архангелов, но все время озирается, оглядывается и спрашивает:

– А где?

Ангел, который его сопровождал, спрашивает:

– Кто «где»?

– Мать Божия где?

Ангел отвечает ему:

– Здесь Она редко пребывает. Она обычно на земле – среди скорбящих, униженных и заблудших. Вот там Ее и надо искать.

Действительно, как мы поем на Успение, Она от земли преставилась, но землю не оставила [96 - Тропарь праздника Успения Пресвятой Богородицы] и действительно остается в жизни земной Церкви. Когда Иисус страдал на Кресте, Его Мать стояла рядом, здесь же стоял Иоанн Богослов. Обращаясь к Иоанну, Господь говорит: Се, Мать твоя! (Ин. 19: 27), – а обращаясь к Матери: Жено! Се, сын Твой (Ин. 19: 26). Уходя из жизни, Иисус заботится о Своей Матери, это лежит на поверхности. Но православное сознание всегда отмечало и более глубокий смысл этих слов. Матери Господа усыновляется Иоанн Богослов – апостол. Мы с вами составляем Апостольскую Церковь, т. е. Церковь, основанную на апостолах. И если Мария является Матерью апостола, то, значит, Она является Матерью и всем нам, Матерью всей Апостольской Церкви. Действительно, всякий человек из апостольских уст услышал евангельское благовестие, от апостолов принял Святое Крещение, если не от тех двенадцати апостолов, то от их преемников, епископов и пресвитеров, тем самым мы усыновлены Божией Матерью. Мы все – Ее дети. Следовательно, Богородица в истории Церкви является Матерью.

Как в доме, где есть отец, глава семейства, а есть мать, так и в Церкви: есть Бог – Отец, Творец и Спаситель, а есть Мать. И Мать Господа – из нас, из людей, и мы Ее дети. Она не с неба пришла, это – не четвертая ипостась Божия. Ее роль, которая прослеживается в течение всех веков христианской истории, – это роль материнства.

Надо признать, что в дошедших до нас раннехристианских источниках Божией Матери не отводится та исключительная роль, которую Она играет в позднейшей, святоотеческой письменности, в житиях святых и в богослужении. Но из этого отнюдь не следует, что Ее почитание и материнское предстательство вовсе отсутствовало. Целый ряд учителей Церкви того времени – Иустин Философ, Иринеи Лионский, Ориген, святой Мефодий Патарский [97 - Свщмч. Мефодий (†312) – богослов, по одним сведениям, был епископом г. Патары, по другим – Олимпа.] и другие – возвышенно говорят о Деве Марии и Ее значении для нас. Правда, как правило, не столько о Ее молитвенном, материнском предстательстве, сколько о той догматической роли в боговоплощении, которая была Ей Богом отведена.

В IV веке зарождается то почитание Божией Матери, к которому мы привыкли. Константин Великий [98 - Константин I Великий (272–337) – римский император, в 313 г. издал Миланский эдикт, остановивший гонения на христиан. Сделал христианство господствующей религией империи. Прославлен Церковью в лике святых.], прекративший

гонения на христиан, утвердил христианскую веру, а потом принял ее и сам. При его сыне христианство уже стало государственной религией Римской империи. Когда Константин перенес столицу из Рима в Константинополь, он совершил один поступок, о котором не очень часто говорят и не все знают. Константин Великий поручил Константинополь Покрову Божией Матери, т. е. он посвятил этот город Богородице. Константинополь – это Царьград еще и потому, что он играет исключительную духовную роль в истории Церкви и особенно в истории восточного христианства. Это в определенном смысле – столица Православия, порученная Покрову Божией Матери.

Константин Великий сам строит три храма в честь Пресвятой Богородицы. До того времени храмов, посвященных Деве Матери, не было. Это и неудивительно: в эпоху гонения храмы христиане строить не могли и в лучшем случае молились в базиликах, т. е. в домах и дворцах римских патрициев. Многие из этих базилик впоследствии превратились в христианские храмы, заложив одну из архитектурных форм христианского храма – корабельную.

В Константинополе же изначально воздвигаются храмы с посвящением Божией Матери. Царица Елена [99 - Царица Елена (250–330) – мать императора Константина Великого. Прославлена Церковью в лике святых.] построила десятки церквей на Святой Земле, в местах, где происходили те или иные евангельские события, посвящая им эти храмы. В этом процессе собирания святынь и строительства храмов евангельским событиям она не обошла Божию Матерь. В частности, были освящены храмы в честь имени святой Девы Марии. После этого храмы в честь Богородицы стали строиться по всей империи – и в Риме, и в других городах.

Интересны реликвии, соотносящиеся с Матерью Господа. Их несколько. Одна из святынь – это пояс Божией Матери. Император Аркадий Константинопольский, правивший в начале V столетия, нашел этот пояс в Иерусалиме, где он хранился у христиан, перенес его в Константинополь и уложил в ковчег, украшенный драгоценностями. Есть праздник положения пояса, но он связан с событием, которое произошло значительно позже, в IX веке. Константинопольская императрица Зоя заболела и повелела достать этот пояс из раки. Пояс был положен на императрицу, и она исцелилась. Позже пояс Божией Матери, как это повелось у христиан, начали разделять и распределять по разным местам. На сегодняшний день известны три места хранения фрагментов пояса Божией Матери: на Святой Горе Афон, в германском городе Трире [100 - Трир – старейший город Германии. Начиная со II в. Трир, или «Северный Рим», служил императорской резиденцией. В 320 г. по распоряжению Константина Великого в Трире начинается строительство великолепного собора в честь апостола Петра, в строительстве принимала активное участие мать императора, святая царица Елена.] и в Грузии. Трир вобрал в себя очень много святынь, и об этом тоже не все знают. Константин поначалу перенес столицу именно в Трир, который в течение нескольких лет оставался главным городом Римской империи, но потом он все-таки остановил свой выбор на городке Визант, превратившийся в Константинополь. Грузия также располагает рядом святынь, связанных с Христом и Божией Матерью. Когда Грузия вошла в Российскую империю, грузинская царица Нина подарила этот пояс Александру I, но император, украсив пояс и ковчег драгоценностями, вернул его Нине.

Существуют также погребальные пелены Божией Матери. Как известно, когда гробница Божией Матери была вскрыта при апостоле Фоме, она оказалась пустой. Позже было явление Богородицы святым апостолам, а пелены благоговейно хранились ранними

христианами. Царица Пуль*сensored*ия (дочь Аркадия, перенесшего пояс) перевезла в Константинополь икону, приписываемую евангелисту Луке, и пелены Божией Матери.

Ну и, наконец, третья реликвия, связанная с Девой Марией, – это Ее риза. С ней произошла такая история. Два римских патриция, Кандид и Гальвий, нашли в V веке у одной женщины в Галилее ризу Божией Матери, хранившуюся в красивом ковчеге. Патриции сделали копию этого ковчега и в отсутствие женщины умудрились подменить его. Вернувшись, женщина нашла свой ковчег пустым, а ковчег с ризой был перенесен в Константинополь, где в то время царствовал император Лев Македонянин. Специально ради перевезенной в Константинополь ризы этот император повелел построить Вла*сensored*нский храм, в котором позже произойдет явление Покрова Божией Матери. И в этом Вла*сensored*нском храме была положена риза Божией Матери. Кстати, и мощи святителя Николая барийские купцы тоже похитили у греков, связав монаха и заткнув ему рот кляпом... [101 - Мощи святителя Николая были похищены в 1087 г. купцами города Бари из малоазийского греческого города Миры, места служения святого. Это был настоящий захват, в котором принимали участие не только купцы, но и горожане и священнослужители. Почти полсотни вооруженных барийцев высадились с корабля, проникли в церковь и, разбив гробницу, унесли мощи, отбиваясь от жителей Миры, пытавшихся остановить грабителей.]

Скептики, конечно, могут сомневаться в том, что хранившаяся у галилейской женщины риза принадлежала именно Божией Матери. Разумеется, с научной точки зрения ответа на этот вопрос нет. Мы лишь принимаем предание таким, каково оно есть.

Возникает вопрос и о гробнице Божией Матери, расположенной у самого подножия Елеонской горы в Иерусалиме. Это фамильная усыпальница рода Давидова. Как известно, почитание реликвий и святынь занимало выдающееся место в средневековом благочестии, и возникало очень много подложных святынь [102 - Широкое распространение лжесвятыни имели в период Крестовых походов, в особенности после четвертого похода и захвата Константинополя. Этому способствовало суеверное и магическое отношение к мощам и святыням, их воспринимали как обереги и амулеты. Спрос рождал предложение, и наряду с настоящими святынями, которые везли крестоносцы и купцы из разграбленного Константинополя, в западном мире появляется множество лжемощей и лжесвятынь.], в том числе даже таких. В городе Эфесе, где преставился Иоанн Богослов, чьим попечением была поручена Дева, тоже показывают гробницу Божией Матери.

Поговорим о святынях, непосредственно связанных с Богородицей, которые потом раздроблялись, разделялись и распространялись по всему христианскому миру.

Факты разделения святынь имели место с ранних христианских времен: мощи раздробляли, и даже Крест Христов, который был обретен царицей Еленой, в конечном счете, был весь разобран на части. Я сам неоднократно видел частицы Древа Креста Господня, иногда, кстати, довольно крупные. Конечно, с их аутентичностью возникает проблема. Нередко высказывается мнение, что, возможно, не стоило разбирать Крест. Конечно, если бы он в целостности оставался в Иерусалиме, его смогло бы увидеть гораздо меньшее количество верующих, зато сподобившиеся увидели бы именно Крест и приложились бы к нему. Но историю не перепишешь.

Материнский Покров, расprostертый Божией Матерью над христианским миром, засвидетельствован повсеместно. Еще Сама Мария при встрече с Елисаветой говорила: ...отныне будут ублажать Меня все роды (Лк. 1: 48), – и действительно, почитание Богородицы распространилось и на Востоке, и на Западе.

Известно предание, согласно которому апостолы бросали жребий, где кому проповедовать. Жребий бросался не только двенадцатью апостолами, но и другими учениками, и даже ученицами Иисуса Христа. Деве Марии досталась Иверия, т. е. Грузия, куда через три столетия пришла Нина – равноапостольная просветительница Грузии. Существует предание о том, что Дева Мария была на Афоне и благословила эту гору, на которой через девятьсот лет после этого возник монастырь, основанный Афанасием Афонским и другими подвижниками.

Впоследствии родилось понятие «удела» Божией Матери. Грузия, как выпавшая Деве Марии по жребию, в этом смысле считается первым уделом Божией Матери. Афон, как место, где Она Сама была и которое благословила, – второй удел. А дальше практически во всех странах появились свои уделы Божией Матери. Наверное, люди имеют на это право. В России появился третий удел Божией Матери, каковым считается Киево-Печерская Лавра. Как Киев – мать всем городам русским, так, конечно, и Киево-Печерская Лавра, посвященная имени Пресвятой Девы Марии, – мать всем русским монастырям.

Уже в XIX веке, когда святой Серафим Саровский благословил открытие Дивеевской обители, появилось понятие четвертого удела Божией Матери. Я уже упоминал о том, что преподобный Серафим – «служба Божией Матери», как он сам себя любил называть, – дерзнул предложить изменение в «Символе веры». Там, где говорится, что Господь воплотился от «Марии Девы и Духа Свята», он предложил слово «Девы» дополнить приставкой «Присно». Для него это было очень важно. Известно, что в его жизни было не менее восьми явлений Божией Матери, сопровождавшихся исцелениями. На старчество он тоже был благословлен именно Ею.

Наверняка многие читали книгу «Серафимо-Дивеевские предания», в которой обо всем этом повествуется. Хотя следует заметить, что с именем преподобного Серафима связано так много, что к некоторой информации нелишне подходить критически, так часто бывает: чем дальше мы исторически отодвигаемся от праведника, тем больше мы о нем знаем.

На Руси понятие удела Божией Матери получило дальнейшее развитие. С древних времен наш народ воспринял саму Русь как «дом Пресвятой Богородицы». Благоверные российские князья водили свои дружины на поле брани с возгласом: «За Господа Спаса, и за Пресвятую Богородицу, и за дом Пречистой Богородицы!» Что это – религиозный вымысел, некая религиозная экзальтация? Не думаю. Это есть то внутреннее религиозное ощущение, которое присуще тому или иному монастырю, а может быть, даже тому или иному народу, причем одно другому не противоречит. Если Грузия, скажем, удел Божией Матери, то Русь – дом Пречистой Богородицы. Западные страны в этом вопросе несколько не менее усердны и тоже посвящают целые земли, монастыри и монашеские ордена имени Пресвятой Богородицы.

Интересное событие связано с Покровом Божией Матери. Греческая Церковь не знала праздника Покрова, он был заимствован из России. Наверняка все знают историю Покрова Богородицы, хотя в разных версиях, в разных описаниях праздника встречаются некоторые расхождения. Суть, однако, сводится к тому, что язычники, штурмовавшие Константинополь и угрожавшие самому его существованию, были славянами и, скорее всего, русичами. И вот тогда во Вла*ensored*нском храме блаженному Андрею и его ученику Епифанию является Божия Мать, простершая Свой Покров над всем молящимся народом, и город был спасен. Прошло почти два столетия. Русский князь

Андрей Боголюбский читает в Суздале древние рукописи, и ему встречается описание этого события. Он находит несправедливым, что оно не почитается Церковью, вводит праздник Покрова и приглашает строителей, которые возводят храм в честь Покрова Божией Матери. Это знаменитый храм Покрова на Нерли. С тех пор Покровские храмы распространяются по всей России, а праздник становится одним из самых любимых на Руси.

Казалось бы, русским-то что праздновать? Нам бы следовало стыдиться, – это же наши предки досаждали православным грекам, а Божия Матерь защитила их. И вдруг русские вводят этот праздник, это очень интересный момент. Это свидетельствует о том, что существует нечто гораздо высшее нашей земной суеты и даже такой суеты, как война одного народа с другим, и что христианские праздники не имеют политической подоплеки. Царство Мое не от мира сего (Ин. 18: 36), – говорит Христос, а мы иногда втягиваемся в эти страсти. Случалось, что Божия Матерь защищала и русских от русских, и даже от самого Андрея Боголюбского.

Суздаль и Великий Новгород враждовали. Дружины Андрея Боголюбского осаждают Новгород, русские бьются с русскими, православные – с православными. К новгородцам явилась Божия Матерь и сказала взять икону Знамения, которая тогда еще так не называлась, и обойти с ней вокруг стены. А люди Андрея Боголюбского стреляют. Икона повернулась Лицом к Новгороду, и это оказалось тем знамением, по которому эта икона стала называться «Знаменской». Русские полюбили этот образ. Праздник иконы Знамения Божией Матери отмечается сейчас отнюдь не только в Новгороде, его любят и в Суздале.

Весьма интересное событие – Фатимское явление Божией Матери детям, произошедшее в 1917 году в португальском местечке Фатима, расположенном неподалеку от Лиссабона. Впервые Богородица явилась в мае, а потом являлась каждый месяц, причем однажды при огромном стечении народа. Я видел дерево, которое даже прогнулось в том месте, где стояла Божия Матерь во время этих явлений. В Ее пророчествах упоминалась и Россия, в то время здесь происходила революция. Богородица повелевает молиться за Россию и говорит о Своем особом Покрове над нашей страной. Фатима становится местом паломничества всего западного мира, местом христианского поклонения. Сегодня туда прибывают до десяти тысяч паломников ежедневно. Я видел, как это происходит. Некоторые вещи мне не понравились, но не все мне нравится и у нас. Тем более нельзя спешить с выводами, касающимися другого народа, живущего согласно иным традициям. Относительно пророчеств, связанных с Россией, жизнь покажет, что в них соответствует истине.

Божия Матерь неоднократно помогала нашему народу через Владимирскую икону в самые критические моменты истории российской. Через эту икону к нам приходит спасение, что отмечается, например, во время празднования Сретения Владимирской иконы Божией Матери [103 - Сретение значит «встреча». В 1395 году хан Тамерлан с несметным войском направился к Москве. Великий князь Василий Димитриевич послал духовенство во Владимир, где находилась прославленная чудотворная икона. После литургии и молебна в праздник Успения Пресвятой Богородицы духовенство приняло икону и с крестным ходом понесло ее к Москве. В тот самый час, когда жители Москвы встречали икону на Кучковом поле, Тамерлану во сне явилась Величаяя Жена. Она повелела ему оставить пределы Руси. Проснувшись в трепете, Тамерлан дал приказ отступить. В память чудесного избавления Русской земли на Кучковом поле, где была встречена икона, был построен Сретенский монастырь, а на 26 августа (8 сентября по

новому стилю) было установлено всероссийское празднование в честь Сретения Владимирской иконы Пресвятой Богородицы.]. Свирепый Тамерлан (1336–1405) за всю свою жизнь не потерпел ни одного поражения. Он даже похвалялся, что там, где прошли его полчища, несколько лет не растет трава. Ему удалось создать мощнейшую империю со столицей в Самарканде и дойти почти до самой Москвы. Но здесь завоевателю является Богородица с небесным воинством, и, когда советники Тамерлана объяснили, Кто ему явился, он приказывает своим полкам идти обратно. Так Россия была спасена.

Иногда выстраивают любопытную конструкцию. Если Россия – дом Пресвятой Богородицы, то северные ее пределы находятся под покровительством Тихвинской и Знаменской икон Божией Матери, центральные – Владимирской, западные – Почаевской, южные – Иверской, а восточные – Казанской. Таким образом, получается, что четыре наиболее чтимых образа ограждают дом Пресвятой Богородицы с севера, юга, запада и востока, а в ее сердце, в Москве, – Владимирская икона Божией Матери.

Мы имеем счастливую возможность жить в доме Пресвятой Богородицы. И Божия Мать во всем Своем материнском служении, благолепии, чистоте и красоте пребывает в Церкви. Как дети приходят к матери за утешением и защитой, так и верующие люди во всем христианском мире обращаются к своей Матери и живут под Ее Покровом.

Автор: Геннадий Фаст

Издательство: Никая

ISBN: 978-5-91761-186-0

Год: 2013

Страниц: 176